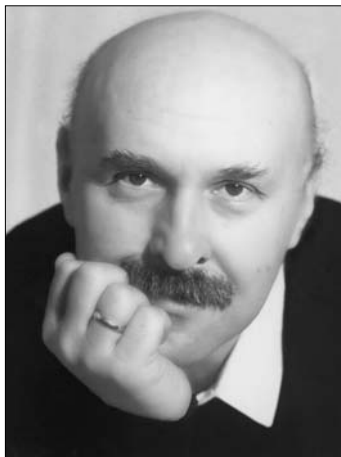

ВЛАДИМИР БУТЕНКО

ДЕВОЧКА НА ДЖИПЕ

ПОВЕСТЬ

1

Письмо от Ивана пришло на исходе августа, в самый разгар дачного сезона, когда день-деньской пропадал Андрей Петрович на загородных шести сотках. Следовало, пожалуй, находиться там и ночью, отпугивая бомжей. Но супруга Алла, опасаясь за свое здоровье, не разрешала ему отлучаться надолго. Впрочем, в таком состоянии неопределенного недуга пребывала она уже несколько лет.

— Твой двоюродный брат депешу прислал, — с улыбкой встретила жена, когда вечером притащился он из гаража домой. — Неплохая новость.

Иван писал: “Здорово дневал, казак Бакланов! Как ты там? Сколько лет молчишь! Не по-родственному. Обратиться заставила необходимость. Тетя наша по матерям, Татьяна Фоминична Затуливетрова, перед Пасхой померла. А мы с тобой остались наследниками. Сын ее, Виталик, спился еще при Ельцине и замерз натурально под забором. А сноха, Зинуля, тоже бухала по-черному, пока не пропала без вести. Был слух, с каким-то сектантом умотала в Сибирь, в тайгу, чтоб готовиться к концу света. А внук тетки, Ромка, связался с урками, ограбил ювелирный магазин. Писал я ему в тюрьму на “почтовый” ящик четыре раза — ни гу-гу! А полгода уже проходят, и кон-

БУТЕНКО Владимир Павлович родился на хуторе Дарьевка Родионово-Несветайского района Ростовской области в 1952 году. Окончил Ставропольский мединститут. Автор пяти сборников стихов и прозы. Несколько лет возглавлял альманах “Ставрополье”. За роман “Казачий алтарь” в 2000 г. присуждена краевая литературная премия. Награждён орденом “За возрождение казачества”. Член Союза писателей России. Живёт в Ставрополе.

чается срок вступать в наследство. Срочно, Андрей Петрович, давай решать. Мы с Валухой тетеньку доглядали, из одной кастрюли кормились-поились. И похороны справили достойно. Не обидели старушку ничем! А ты, братка, небось, и забыл, какая она... Живешь на куличках. Но закон есть закон, как Райкин смешил. Вот и ряди: будешь или нет посягать на половину ее каменного куреня о трех комнатах, времянку и сарай саманный, огород и старый сад. Все это в большом запущении, на хуторе Майском. Тетка по безграмотности завещания не оставила. Ты не тани, отвечай телеграммой. А лучше приезжай. Поступай, как совесть велит. На том бывай здоров. Привет Алле. Мои тоже кланяются: Валя, сын Миша и сноха Лариса. С приветом — донской подьесаул Аржанов”.

На кухне было парко от кипящего в большой кастрюле рассола, пряно отдавало укропом и лавровым листом. На столе в сияющих трехлитровых банках теснились пупырчатые дачные огурчики. Алла, занимая половину комнаты грузным телом, с шумовкой в руке сторбленно стояла у газовой плиты. Время от времени она помешивала рассол, снимала и сбрасывала белесую накипь в мусорное ведро. Мрачная усталость на покрасневшем дряблом лице жены, ее деловая сосредоточенность подсказали, что ужин откладывается. Андрей Петрович убрал тетрадный листок в карман сорочки и размыслил:

— Надо проконсультироваться у нотариуса, какой документ нужен. Отослало по почте. Конечно, откажусь.

Жена повернула свою крупную голову, с редкими буровато-седыми волосами, скрепленными на затылке перламутровой заколкой, растерянно зыркнула через плечо:

— Да ты чо, чокнулся? Деньги не нужны? Сидим с голой задницей. Ремонт в квартире аж кричит!

— Тетушку я, действительно, знал плохо. А Ваня с женой ухаживали за ней. Даже стыдно говорить о наследстве...

Алла Ивановна громыхнула шумовкой по кастрюле и с не свойственной ей летам легкостью повернулась к мужу.

— А если мне потребуется операция? Перекроет камень желчный проток — и тью-тью на Воркутю. Ты в этом не разбираешься, а я была медсестрой высшей категории. Сейчас в больнице не милуют. Либо плати, либо помирай!

— Со сберкнижки снимем. Или займем.

— А если Эдька приедет? Который год сын обещает. Тоже расходы. На твою пенсию и таракан не проживет. — Выпученные глаза Аллы подернулись зловецким блеском, шумовка в руке качнулась. — Так бы и дала по башке! Только книжки читаешь! Тебе семья не нужна.

Лоснящееся от пота её лицо было настолько отталкивающим, что он без ответа ушел в комнату, машинально снял с полки книгу. Алла распахнула дверь, запальчиво докричала:

— Если откажешься, я с тобой разведусь! У тебя еще неделя отпуска. Оборвешь айву, слышишь, и — дуй!

— Что ты завелась? — осадил Андрей Петрович. — Сначала надо отремонтировать машину, а затем ехать... А пенсию, моя дорогая, не я устанавливал. Твое демократическое правительство так о народе позаботилось! Было время, на мою зарплату жили. Да и сейчас работаю!

— Жили! Хуже цыган! Эдика укачаю, а сама по коечникам бегаю, уколами шабашку сбиваю. Ночные дежурства брала... А ты себе галстуки покупал. Красовался...

— Ты ахинею несешь!

— Нищий! И я с тобой нищая. А пошел бы в райком партии, сделал бы карьеру. Не строга! бы доски на старости лет!

Андрей Петрович, сдерживая раздражение, неожиданно твердо произнес:

— Поеду! Как я сразу не сообразил...

Он давно мечтал наведаться в родные места. Дочь, родную кровинку, не видел много лет. С тех пор, как достигла совершеннолетия. Увы, прекратил выплачивать алименты — и интерес к нему Наташи стал пропадать... Но однажды она прислала телеграмму с просьбой помочь деньгами. Несмо-

тря на ворчание жены, Андрей Петрович это сделал. Вскоре, находясь уже в больнице, он получил от дочки короткое письмо, в котором была такая же просьба. И тайком от Аллы, заняв у приятеля необходимую сумму, перевел ее дочери. Последнее письмо Натальи, в котором сообщалось о предстоящем замужестве и называлась цена свадебного платья, жена от него скрыла. У самих не было ни гроша. Только спустя месяц, после возвращения из кардиоцентра, он обнаружил конверт в ящике стола. Попытки связаться остались тщетными. Надежда не гасла до тех пор, пока не позвонила сама дочь (ко дню рождения он послал ей денег) и дерзко заявила: “Мне больше не надо ваших подачек. Отцом я считаю Сергея Васильевича, который вырастил меня вместе с мамой. А вам желаю не быть скучным...” Так мог сказать только несправедливый человек. Но Андрей Петрович, несмотря на обиду, поехал в Ростов, чтобы объяснить с дочерью. Она повела себя откровенно грубо. И контакты оборвались. Потом инфаркт. Он долго выкарабкивался, занимаясь укрепляющей физкультурой и соблюдая диету. И теперь, к шестидесяти пяти, чувствовал себя не только сносно, но даже устроился на полставки в поликлинику электриком. Удачно совпало, что как раз в эти дни догуливал отпуск.

...Несколько дней назад (Андрей Петрович подивился этому совпадению) ему приснилась Марина, первая его жена. Явственно привиделась красивой и радостно оживленной. Будто бы встречала его на перроне с букетом тюльпанов. И он, узнав любимую, бросился навстречу, обнял, ощутив ласково прильнувшее тело, которое вдруг выскользнуло из рук, истаяло...

Три года, когда они были вместе, остались в памяти настолько подробно, что он мог даже в днях ориентироваться! И появление ее в школе, и поездка за лазориками, и свадьба, и рождение доченьки. Теперь он уже беспристрастно оценивал прожитое и без сомнения знал, что Марина была женщиной, предназначенной ему Богом. Он по молодости не сомневался в нерушимости их любви. И когда в бесшабашной компании впервые изменил с бойкой медсестрой, то лишь устыдился этого и не придал особого значения. Кто из мужчин свят? Да не тут-то было. Вцепилась в него Алла так, что не давала проходу, упорно напоминала о себе. И, уловкой оставшись с красавцем учителем наедине, снова затащила в постель. Связь стала постоянной. И однажды самолюбивая подружка воинственно предупредила: “Заберу тебя, милый, у Маринки”. “Я вещь, что ли?” — отозвался он с недоумением. “И я не вещь! Хватит забавляться... Я тоже хочу мужа. И ребенка...” И когда знакомые друг другу женщины невзначай сошлись на улице, Алла во всем созналась. Так же решительно поступила и Марина. Разрывный разговор с ней был мучителен и негромок. На ее простой вопрос: “Почему ты предал меня? Разлюбил?” — он не нашел ответа, не посмел оправдываться, казнясь и сознавая, что и не заслуживает прощения... Почти сорок лет прожил он с Аллой, отвоевавшей его и по-своему дорожившей им женщиной, а та покакаянная боль ощущалась в душе и поныне...

Пару дней Андрей Петрович возился с машиной в своем гараже. Отрегулировал клапана, заменил масло. Подмарафетил ее и снаружи — зашпаклевал и покрыл аэрозольной краской ржавые проточины. Глянул со стороны — бежевый “конек” еще хоть куда!

В предшествующую поездке ночь спал беспокойно. Обуревали разные думки: в пути все возможно. И в тот момент, когда разморила сонливость, вдруг загремел над головой будильник, заведенный Аллой. Она же поднялась первой, включила люстру, торопя мужа. Однако измерила ему давление (оно было высоким) и сделала укол, чтобы смог выдержать дальнюю дорогу.

“Жигуленок”, точно птаха из теснины, вырвался в сумеречное пристепье. Остались позади кварталы многоэтажек, лишённые всякой архитектурной целесообразности, ярко освещенные аквариумы фирменных салонов, загородные оптомаркеты. “Новый русский капитал поднимается на кривые ножки, — усмехнулся Андрей Петрович, как многие, с горечью переживающий крах отечественной индустрии. — Господам иностранцам кланяемся! А Петр Великий собственное производство утверждал в России, со-

здавал, строил! В полный рост смотрел на Европу, а мы — в щелочку, полалайски...”

В салоне духовито пахло айвой, прихваченной в гостинец. Автострада была пуста. И он жал на акселератор! Приятная оглушенность овладела сознанием. Минуты и километры незаметно сплетались в одно целое, — Андрей Петрович, сосредоточась на дороге, рассеянным взглядом замечал рождение дня.

А день вставал, размашисто пламенел по кромке горизонта. Улыбнулась степи зорюшка, сестрица казачья! И в ясном накале утра далеко открылись ковры стерни, пашни, курчавень кукурузных делян, плантации подсолнухов с понижными шляпками. Порой с двух сторон блистали, разделенные мостом, зеркальные расклинки речек. Подступали и круто отваливали в сторону акации лесопосадок, с кисейными кронами, озаренные краснолистьем кустарников. А на затяжном подъеме прихлынула сверху синева, и увидел Андрей Петрович (даже глаза повлажнели), как распластанно парил над просяным густостоем седокрылый лунь, все ниже стягивая круги, готовясь к разящему падению, — и остро вспомнилось детство...

Дорога вела на родину. Туда, где не бывал много лет. Он даже сам не мог точно припомнить сколько: двенадцать или тринадцать? И то, что потаенно хранилось в душе — самое заветное и святое, — исподволь воскресло. Выходит, неистребимо это ощущение сопричастности отчей земле, поколениям предков!

Из тумана минувшего проступали лица родных и близких, вспоминались трогательные эпизоды. Вновь отозвалась в душе виноватость перед родителями, — их могилы покинуто стыли на хуторском бугре! А он жил вдали, крутился в мелочной суете и нескончаемых хлопотах. Уходили навечно приятели по школе и по многоэтажке... А с новыми знакомыми дружба почему-то не ладилась. Всё чаще в последнее время он уединялся на даче. Книги — вот спутники его ночных бдений и раздумий.

Все чаще в последнее время брал он в руки дневники Толстого-старика. И, к удивлению, много находил сходного и в своих отношениях с женой. Непонимание друг друга, некая жизненная закабаленность, душевная глухота. Время от времени, когда Алла становилась особенно нервной, излобленной и придирчивой, Андрей Петрович в отчаянье готов был бегать из дома.

Хоть куда! И первое, что приходило на ум, это был отчий хутор, где доживала свой век родня. Пожалуй, его бы приняли. Но не окажется ли он, в конце концов, в каком-то приюте, хуже того, нищим бездомником? И потому стычки с Аллой кончались перемирием. И хотя утратили они прежнюю взаимную привязанность, терпели, держались друг друга, деля уносящие силы годы...

2

К полудню “жигуленок” отмерил уже две сотни верст. Незатейливые пейзажи, одинокое молчание, жара притомили. Андрей Петрович дотянул до Кагальника, легендарной казачьей реки. Пересек ее по бетонному мосту, обнаружив лысины дна, — настолько губельно обмелела матушка! — и перед подъемом свернул на площадку для отдыха.

Выше, под кронами пирамидальных тополей, краснели сайдинговые стены кафе. Перед ним грудились колотые чурки, дымил мангал на ножках. Ветерок доносил упоительный запах шашлыка. Три грязнобокие фуры с заграничными номерами загораживали вид автострады. Из открытой кабины ближней доносилась заунывная восточная музыка. Потасканная, с ярко-рыжими волосами деваха курила, сидя на подножке. Очевидно, “плечевая”. Она сузила заспанные глаза на “новенького” и тут же отвернулась, прикинув, что для клиента — староват...

Андрей Петрович расстелил на багажнике, угодившем в тень, скатерку, салфетками вытер руки. И достал пакет с продуктишками и термос.

На диво ожил, закулюкал мобильник, оставленный в машине.

— Живой? Ты где? — тоном диспетчера таксопарка уточнила Алла. — Далеко уже?

— На Кагальнике. Хочу чайку выпить.

— Надо же, беденький, проголодался... — с иронией заметила жена. — К Лукьянченко обязательно заедь. Может, пригодится. Мне не звони! Деньги экономь.

Солнце палило по-летнему. У кафе грустили под слоем пыли сиреневые флоксы. А в мутновато-пепельном небе промелькивали стайки стрижей, горлинок. Отведя машину под вязы, где ощущалась речная сырость, Андрей Петрович попробовал задремать. В уставших глазах радужно задрожали пятна, какие-то запятыя, крючочки...

Плескались на ветру ветви деревьев, их беспрестанно заглушали гулы проносившихся автомобилей. Рядом пульсировала транспортная жила, сводя людей на ленте асфальта по неведомой закономерности. Он опять стал думать о своей судьбе. И как-то растерялся: с временной дистанции многое воспринималось иначе, чем прежде. Сверх того, всё в прожитом было чрезвычайно дорого, кроме черных дней утрат любимых людей. И в каждом событии теперь он, бывший коммунист, усматривал Высшую волю...

Впервые Андрей уехал отсюда, с Донщины, более полвека назад. Все в их роду были военными или хлеборобами. И только он с отрочества мечтал стать учителем. Таким, как Михаил Ефимович! С первого урока запомнился ему этот новоприбывший человек, назначенный директором, — сутловатой фигурой, твердой походкой, смуглым востроносым лицом. Приметной была привычка историка смотреть исподлобья поверх очков и ерошить при этом ладонью свою седоватую щетину, мысыком сходящуюся на лбу.

Появился он в классе в первосентябрьский день негаданно, держа в руке классный журнал и тетрадку. Преподаватель был по-праздничному одет в темно-синий костюм и белую сорочку. Окинув цепким взглядом вставших учеников, выдержал паузу.

— День добрый, милейшие! — отрывисто приветствовал он глуховатым голосом. — Кто дежурный? Почему доска грязная? Кто староста? Обоим объявляю замечание. И зарубите себе на носу, со мной разгильдяйство не пройдет!

И поныне трудно понять, как соединялись в его характере жесткость и sentimentalность, ироничность и готовность сколько угодно заниматься после уроков, интеллигентность и пристрастие к спиртному. Никто под хмельком директора, впрочем, не видел. Втихую сплетничали, что дома он надирается до беспамьятства. Недоброжелательство отчасти объяснялось тем, что ни с кем Михаил Ефимович не сходил, держался особняком. И Андрей всем нутром тянулся к этому необычному человеку, открывающему тайны древности, исчезнувших империй и цивилизаций...

Многие в школе историю полюбили благодаря Михаилу Ефимовичу. Он не просто объяснял на уроках, а к месту шутил, сыпал примерами из романов, цитировал мудрецов, точно сам был всему свидетелем! И поэтому в рассказе учителя малые и великие события представлялись несравнимо интересней, нежели то, что излагалось в учебнике. Требуя знаний осмысленных, он задавал на дом “рассказы по иллюстрациям”. Андрей с увлечением сочинял новеллки, в которых героями были исторические личности. Когда же попал на районную олимпиаду, вернулся оттуда победителем, с наградой — томом Пушкина!

А на весенних каникулах вместе с учителем отправился он уже в Ростов. Там безоговорочно первенствовали горожане. Михаил Ефимович, добившись разрешения, ознакомился с “работой” Андрея и оспорил решение комиссии, поскольку тот блестяще выполнил задание. Но, по всему, триумфаторов в облоно “утверждали” заранее.

Накануне выпускных экзаменов произошло нечто немыслимое! Михаила Ефимовича исключили из партии, сняли с должности директора. Молва разносила: он осмелился написать в ЦК КПСС послание, в котором доказывал, что Сталин, совершивший многие просчеты и ошибки, не заслуживает такого враждебного отношения, которое насаждается в народе после XX съезда. Реакция из Москвы последовала незамедлительно...

Остался в памяти и сам экзамен. Михаил Ефимович был задумчив, простуженно кашлял. И слова Андрея воспринимал отвлеченно. Ерошил ладную редущую волосы, поглядывая в окно на цветущие кусты жасмина.

— Довольно, — прервал Михаил Ефимович его ответ. — Хочу задать дополнительный вопрос. Выскажи собственные соображения. Как ты, молодой, относишься к Сталину?

Андрей растерялся. Он знал о крамольном письме. Но и помнил выводы, которые были в учебнике и не раз повторялись учителем! И потому подверг бывшего вождя осуждению за “культ личности” и репрессии. Михаил Ефимович устало снял очки, протер их платочком, глянул исподлобья подслеповатыми глазами.

— Заслуживаешь “пятерку”. Только вот что... Заруби себе на носу! Историю делают не только великие личности, но в равной степени и простолюдины. Диалектика, братец ты мой. Сколько людей, столько и мнений. А историческая наука отнюдь не догма, — и, усмехнувшись, он поднял взгляд на фотопортрет Хрущева, висящий над доской. — Кому-то всё ясно. А вот я сомневаюсь. Так до конца и не разобрался...

На выпускной вечер Михаил Ефимович пришел в пиджаке, увешанном фронтовыми медалями и орденами. И, выпив с Андреем шампанского, объявил свою недомолвку. С именем Сталина он, до ранения офицер-артиллерист, а затем контрразведчик, прошел войну.

— Да, при его попустительстве разворачивались репрессии, страдали и погибали невинные. Это так. Но обрати внимание: на медали “За Победу над Германией” — барельеф Сталина. Все мы, фронтовики, носим ее на левой стороне. Возле сердца...

Андрея это ошеломило: преподаватель из собственного опыта вынес одно, а учил другому, согласно министерской программе. Впрочем, Михаил Ефимович всегда поощрял школьников мыслить самостоятельно. Но души своей не открывал. Наверно, обжигался прежде. Да и сказывался фронтовой путь. Предателей на войне хватало!

Уже на следующий год, когда Андрей был первокурсником пединститута, изображения “кукурузолоба” повсеместно заменили портретами чернобрового Брежнева. И доцент на коллоквиумах стал упоминать о заслугах Верховного Главнокомандующего в Победе. И вышло, что недаром сомневался Михаил Ефимович, — неполная, выгодная “для кого-то” правда была в учебниках! И не может быть одной, неоспоримой истины...

Из открытой кабины фуры загрохотала восточная оркестровая музыка, включенная на всю громкость; перекрикивая ее, вознесся голос певицы, вероятно высокий и жалобный...

Недолгий отдых прибавил сил. Андрей Петрович вылез из машины, проверил колеса. И невзначай заметил, как спикировал с вяза воробей к хлебным крошкам, подпрыгнул бочком и стал подбирать. Чиркнув, к нему спустилась молоденькая воробыха, с нежно-серым бархатцем оперения...

И вспомнились ночи, когда с ватагой казачат шастал он по заснеженным улицам от одной хаты к другой, где под застрехами ночевали воробьи. Луч карманного фонарика скользил вдоль камышин или деревянных коробов, ища светло-палевые замершие комочки. Там, где позволял рост, несмышлениши протягивали ладони с растопыренными пальцами и... До сих пор помнится трепет пойманного воробышки, стук его маленького сердца! Они же, сорванцы, чем больше залучали птиц, тем больше веселились, предвидя, как будут заискивающе становиться на лапы их коты. Но в их многодетной семье из этих самых пойманных птиц варили суп. Небогато жили донские колхозники в середине пятидесятых. Прокормить вдове троих мальчишек было нелегко: питались с огорода да чем Бог пошлет. Дядьки, бывалые фронтовики, страшавшие мальчишек за птичьи разоры, братьев никогда не трогали...

Дивясь смелости придорожных птиц и стараясь не спугнуть их, Андрей Петрович постоял с грустной улыбкой, добавил на землю крошек и вновь сел за руль. Взглянул на панельные часы-кругляшки: близился полдень. И оставалось всего треть пути...

Через час он уже въезжал в Мазуринскую. С трудом угадывалась станичная улица. Особенно в несколько этажей высились по соседству с приземистыми белеными хатенками и краснокирпичными домами брежневской эпохи. Заборы также отличались разнообразием. Трехметровые, облицованные плиткой, похожие на крепостные стены, примыкали к частоколам; кованые железные ограды то и дело сменялись дощатыми изгородами, старинные каменные валы чередовались с заплатами из бревнышек. По одним ограждениям можно было судить, какими разными стали люди за полтора десятка лет, как размежевались их судьбы.

Андрей Петрович остановил машину у коттеджа Лукьянченко под зеленой металлочерепицей. Усадьбу скрывал прочный еврозабор. Лишь сквозь решетчатые ворота видно было, как по уложенному плиткой двору колесил на велосипеде малыш вблизи блондинки, читавшей в кресле глянецвый журнал. У бывшего хуторского друга, а затем приятеля по школе, помнилось, росли две дочери. Обе светловолосые, глазастые. И эта поборница “гламура”, похоже, была одной из них.

Держа в руках ведро с айвой, Андрей Петрович приблизился к воротам, украшенным вензелями. Колокольчик мелодично рассыпал трель. Красотка оглянулась. Приезжий снова подал сигнал. Откуда-то из глубины двора выскочила, засемила ладная женщина в рабочем халате.

— Вам кого? — спросила, прищуриваясь.

— Я приятель Василия Ильича по школе.

— А-а... Они отдыхают.

— Приехал издалека.

— И не просите! Вас много, а Ильич один.

— Тогда передайте, что Бакланов спрашивал. И вот это, — Андрей Петрович приподнял ведро.

Прислуга нехотя открыла калитку, велела подождать. Но не успела скрыться за колонной, как показался сам хозяин, — рослый, вальяжный, бритоголовый — точно босс из “энтэвэшного” телесериала! Мягко струился на его холемом теле голубой спортивный костюм. Он шествовал, слегка улыбаясь, блестя золотыми дужками очков...

— А я смотрю в окно: кого принесло в такую жару? А это — отличник просвещения! Да еще со своей ставропольской экзотикой, понимаешь... — начальственным баском пошучивал Василий Ильич, пожимая руку и отклоняясь назад, как бы давая понять, что не поощряет сантиментов. — Ну что? Жизнь отучила вирши сочинять? А машину, гляжу, так и не поменял...

Хозяин посмеивался, провожая гостя в глубь двора. Но веселость его, как ощутил Андрей Петрович, была несколько нарочитой. Проходя мимо дочери, он приостановился.

— Моя старшая, Людмила. Английская буржуазия эксплуатирует в представительстве табачной фирмы как экономиста. А на трехколёске — внучок, Мартин. Видишь, какие виражи пишет!

Зеленоглазая красавица, бегло взглянув, снова уткнулась в журнальчик. Василий Ильич завел гостя в беседку-ротонду, в которой устоялся запах изабеллы и муската. Без всякой подсказки та же домработница принесла поднос с фарфоровым сервизом и угощением — конфетами и круассанами. А хозяин продолжал чеканить фразы, собственноручно разливая чай по китайским чашкам.

— И мы, большевики, нужны новоявленным буржуйам. Консультирую их иной раз... Покрепче? Или нельзя? А я не отказываю себе, хотя и гипертоник. Раиса! Принеси бутылочку виски. С черной наклейкой. Ты как?

— За рулем.

— Дам свою визитку! На территории района ни один гаишник не тронет.

— Чаек в самый раз... Не знаешь, как моя бывшая жена? Марина...

— Честно скажу, не знаю. Помнится, лет... семь назад твоя дочка кредит у меня оформляла. Передавала привет от матери. Раскрутилась твоя Наташка с ростовскими мафиози на купле-продаже земли. А “крышуют” их

москвичи. Во-первых, красавица она. Во-вторых, девка умная и с характером. Слышал, в агрохолдинге сейчас заправляет. Вы что, не контактируете?

— К сожалению, нет.

— Почему? Дочкой надо гордиться. Кровь-то родная. Похожа на твою мать, тетю Лену.

— Оправдываться мне не в чем. Поверь, я всё делал, чтобы отношения сбереечь. Но поезд шел в одну сторону... Пока маленькая была, переписывались. Я приезжал сюда. И Марина поощряла нашу дружбу. Но... характер у Натальи сложный.

— На то она и казачка! Сделай шаг первым. Узнай телефон. И позвони! А хочешь, я спрошу ее номер у директора элеватора?

— Буду благодарен.

— Ну-с, чем занимаешься? Небо городское коптишь?

— Числюсь в стоматполиклинике электриком. Хотя делаю всё подряд. И мебель ремонтирую, и установки, и траву кошу на газонах...

— И это ты, отличник просвещения Российской Федерации? Разнорабочий?

— На мою учительскую пенсию, Василий, лекарств не накопишься... Сын наш далеко. Одни с Аллой. Она тебя в пример ставит. Упрекает, что в райком не пошел, когда звали...

— А что упрекать? — поморщился хозяин и отхлебнул чая. — Ты рожден “сеятелем знаний”. А я другого замеса. Поработал в школе математиком и понял, что не моё... Управлять людьми — высочайшая наука! До сих пор номенклатуру ругают за привилегии. Но сравни, как тогда жили и что теперь! Прежде справедливость хоть как-то соблюдалась. Опора была на чело- века труда. А сегодня? Два полюса: олигархи и презренная чернь.

— Величайшую в цивилизации империю — Византийскую — погубили именно олигархи. Западноевропейским купцам доверили вести торговлю, а предатели из местной знати разворовывали страну.

— Наши — круче! Ты, к слову, не член КПРФ?

— А ты?

— Упаси Боже! Социалист-протестант. С правым уклоном.

— И я не против богатых. Я за то, чтобы бедных не стало... Жаль, у молодежи — потребительская психология. Я за то, чтобы бедных не стало... Жаль, у молодежи — потребительская психология. Но в “кремниевой долине” хлеб не вырастишь и совесть не пробудишь. Компьютерная революция не решит проблем. У такой России незавидное будущее.

— Будущее — это дети и внуки... То, о чем разглагольствуем, от нас не зависит.

— Я отношусь к истории серьезно. Для меня она — фундамент... Об этом и у Карамзина: “Должно знать, как искони мятежные страсти волновали гражданское общество и какими способами благотворная власть ума обуздывала их бурное стремление, чтобы учредить порядок, согласить выгоды людей и даровать им возможное на земле счастье”.

— Полная утопия! У нас это “не катит”, как сейчас говорят. Вообще молодым история Отечества “до фени”. Многие слыхом не слыхивали, какую такую Победу мы отмечаем 9 Мая!

— Наша извечная беда в том, что отрекаемся легко и беспощадно. За последний век сколько раз предавали! Сначала царя низвергли, затем, в гражданскую, отказались от воинских присяг и убивали однополчан. В тридцатые не дружей ли, партийных соратников, предавали анафеме, чтобы удержаться у власти? В Великую Отечественную тысячи красноармейцев служили в вермахте... Потом “культ личности”, смещение Хрущева... Горбачев, могильщик Союза... Наконец, ельцинский переворот, расстрел Думы...

— Дialeктика, милый мой. Закон отрицания отрицаний... — поучительно заметил бывший партиец.

Домработница принесла на серебряном подносе бутылку с желтоватой жидкостью, два бокальчика и нарезку рокфора. Хозяин плеснул гостю, себе налил до краев и, склонясь, заговорщицки прошептал:

— Пусть мы не гусары, но и не старцы, понимаешь. У меня подруга в налоговой на двадцать лет моложе. Я ее “наложницей” зову... За встречу!

Андрей Петрович, не выказав особого восторга, подождал и перевел разговор.

— Заехал к тебе по дороге в Бариловку. Наследство объявилось.

— И большой куш?

— Теткино подворье на хуторе Майском.

— Глухомань. Жаль, что завещал не дядька миллионер, проживающий в Америке или Канаде...

— Да, недурно было бы! — засмеялся Андрей Петрович.

— Заночуешь у меня? Видишь, какой дворец воздвиг!

— Прежним принципам не противоречит?

— Наоборот! Живу в условиях, близких к коммунизму. Тебе легко явить. А побыл бы в моей шкуре... Вкальывал инструкторишкой райкома, заводделом, потом в обкоме. Дорос до первого секретаря в перестройку! Болтологией Горбач занимался, валил страну. А мы туалетное мыло и сахар на уровне бюро райкома делили! Анекдот... Большой приходит к врачу. “Что со мной? Всё, что до “перестройки”, помню досконально, а то, что после, — в голове белым пятном. Это, доктор, склероз?” — “Нет, что вы. Это — счастье!”... Ну, давай за коммунизм в отдельно взятом дворе! — Василий Ильич и второй раз вышил полный бокальчик, потянулся к свисающей кисти темно-розового муската. — Элитный. Слаще, чем у персидского шаха!

— А где же Зоя?

— Зоя Николаевна, мой друг, по Италии раскатывает. В турпоездке с внучкой. Людмила помогла. Муж ее у министра референт-помощник. Ну, и бизнесом занимается. А младшая, Нинок, врач-косметолог. В Ростове... Мы с Зойкой ни от кого не зависим. Хватает моей пенсии персональной. Недаром двенадцать годков денежками в банке ворочал... Рад, что заехал. Старый друг лучше новых слуг! Это — современная поговорка! Не слышал?... Алла твоя держится? Помню, выбивал ей путевку в Болгарию, как лучшей медсестре. А как готовила пироги с грибами! Шустрая она у тебя была, танцевальная...

— Прибаливает. Вспыльчивая очень. А в девяностом году в демократку перекрестилась.

— Твоя Аллюська?

— Портрет Ельцина на митингах таскала.

— Да-да... Смутные были деньки. Зомбировали народ! Я полтора месяца скрывался у дядьки, в Батайске... Рая! Отгони же ос! Туча кружит, — повернувшись к входу, рявкнул хозяин с начальнической вибрацией в голосе.

Прислуга точно бы материализовалась из зеленого затеня. Живо заплясала, вскидывая вафельный рушник в разные стороны, сбивая на лету и отпугивая сластолюбивых воровок. Лукьянченко строго наблюдал поверх очков.

— Молодец. Как пропеллером срубила. А теперь “спой, светик, не стыдись”.

— “Русское поле”? — охотно отозвалась Раиса.

— Давай про молодость!

У женщины оказался красивый распевный голос. И едва начала она песню, как бывший секретарь райкома в такт застучал ложкой по столу, подхватил:

И снег, и ветер, и звезд ночной полет...

Меня мое сердце в тревожную даль зовет!

— Нет, сегодня ты не в форме, — вдруг остановил он поющую. — Иди... Было время, Андриуша, — мечтали... А сейчас никуда уже не тянет, ни в какую даль...

— Мне пришлось уйти из школы по инвалидности. Тяжело дался крах державы!

— Да брось ты! Хрен с ним, с Союзом! Дорожи дружбой. Знаешь, что... Недавно я взял “БМВ”. А тебе, боярин, свою “Ниву” пожалую. С царского плеча. А?!

— Машину? — растерянно вымолвил Андрей Петрович.

— В хорошем состоянии. Белую. С импортной резиной.

— Не за тем меня сюда занесло! — отшутился гость, уловив в хмельной интонации приятеля нотку куража.

— Ты, Андрюшка, не выкаблучивайся... Я тебе не милостыню даю. Завтра позволю начальнику ГАИ, переформирую на тебя, заверим у нотариуса фиктивную куплю-продажу. Налоги беру на себя.

— Ты вправду? Или по пьянке? — уже серьезно спросил Андрей Петрович, заподозрив прихоть захмелевшего приятеля.

Василий Ильич обернулся, — нет ли кого рядом, — и понизил вдруг голос:

— Ты не смотри, что я веселый... Рак у меня, Андрюшка, третьей степени... Правое легкое, сволочь, рвануло! Повторный курс “химии” прохожу. Короче, время сочтено... Я тебе первому об этом говорю... Никогда не просил. А сейчас прошу поклонно! Это мне нужней, чем тебе. Много накурлесил. Часто забывал о близких людях... Будешь ездить и — обо мне вспоминать!

— Почему же ты не сообщил об этом родным? Нечестно по отношению к ним...

— Раскиснут заранее... — скороговоркой произнес хозяин. — Люську фирма на два года командирует в Бразилию. Зоя через месяц в Москву перебирается на присмотр внуков. Младшая дочь да Раиса меня досмотрят...

— А выглядишь неплохо. Может, обойдется? И виски пьешь.

— От боли... Еле отправил Зойку, чтоб не догадалась. Я в последнее время Пушкина перечитываю. Помнишь, Ибрагим уехал, не простившись со своей француженкой. Так и у меня не хватает духу признаться жене...

Он с внезапной тревогой оглянулся. Людмила, прежде говорившая по мобильнику как бы сама с собой, пересекла двор раскованно-летучей походкой.

— Венеция! — объявила отцу, с улыбкой подавая изящный красный телефончик.

— Ау! Легкая на помине, Зоенька. Только что говорили о тебе с Андреем Баклановым. Да, у нас. Передаю горячий привет тебе и — обратно... Откуда звонишь, с площади Сан-Марко? Знаю. Гулял там. Корм для голубей по евро или подорожал?

Путешественница что-то рассказывала, а Лукьянченко улыбался, вскидывал брови, хмыкал, порываясь возразить. Наконец, вернул “игрушку” дочери, тут же удалившейся.

— Значит, ночевать не остаешься... А куда спешить? Ты пойми, что нет “сельского района” в прежнем понимании. Отдельно земля, отдельно агрохолдинг, отдельно — администрация и население. Рядом с нашим хутором руду нашли. Немцы будут комбинат закладывать. По-моему, документация на согласовании.

— Василий, ты очень дорог мне. Но, извини, я не приму машины. Есть в этом что-то холопье... Понимаешь?

— Не понимаю. И не пойму! Если считаешь меня настоящим другом, то любой подарок твое самолюбие задевать никак не может. Если, конечно, считаешь...

— Я уже сказал.

— Тогда давай паспорт... Рая! Откопируй на ксероксе!

Солнце, перевалив через купол беседки, сбоку осветило воцанистые виноградные листья, крупные гроздья (карминного теперь) муската. Андрей Петрович все более испытывал беспокойство, не позволяющее соглашаться с тем, что не радовало, казалось принужденным. И, пряча в барсетку паспорт, возвращенный Раисой, признался:

— Все-таки неловко... А как отнесутся твои родные?

— Дочери — люди обеспеченные. Можно сказать, богатые. А Зоя будет в восторге... Знаешь, когда гнул жизнь под себя, думал, что суть не в смене формаций, а в натуре человека. Пришлось со всякой нечистью якшаться, в клюв по куску сыра давать! Гордился тем, что я — человек состоявшийся и способен на сильные поступки. А теперь, на краю бездны, по-другому всё

представляется. Ничего не надо, кроме здоровья и окружения родных, — с откровенной болью вымолвил приятель и опустил глаза.

Молча и медлительно они потянулись к выходу. Мимо крыльца, мимо гонявшего мяч Мартина, мимо задремавшей в кресле очаровательной москвички. Оба ощущали подступившую неведомую грусть. Перед калиткой Андрей Петрович обернулся, выдержал испытующий взгляд хозяина.

— Есть восточная притча, — сказал он со вздохом. — Конфуций застал как-то двух спорящих мальчиков, которые попросили его рассудить, кто из них прав. Первый говорил, что солнце ближе всего к Земле на восходе и закате. И приводил пример, что предметы с увеличением расстояния уменьшаются, — так это происходит со светилom, когда оно в зените. Второй же утверждал, что солнце именно в зените ближе всего к Земле, потому что в полдень становится нестерпимо жарким, а на зорях оно прохладнее. “Разве, приближаясь к огню, мы не испытываем усиливающийся жар?” — спросил этот мальчик. Конфуций выслушал их и ничего не ответил. Оба заблуждаются. Оба по-своему правы...

— Да, родились в одном хуторе, учились в одной школе и работали вместе, а прожили по-разному! — заключил хозяин, напоследок пожимая руку. — Завтра, Андрюшка, увидимся. Когда поедешь к нотариусу решать свой вопрос, обязательно позвони мне на мобильный.

4

На знакомом перекрестке Андрей Петрович свернул с трассы, надвое пересекающей район. Желание увидеться с Мариной и разузнать об их дочери одолело все сомнения и домыслы.

На том месте, где прежде в курене бабушки жили они с Мариной, небо подпирал замок, наполовину скрытый кирпичным забором. Сверху смотрел глазок видеокамеры. Неужели в этом доме живут Марина и его дочь?!

Он, сбиваясь с шага, взволнованно подошел к металлической двери и нажал на кнопку переговорного устройства. Весь обратившись в слух, ожидал, что сейчас отзовется Марина. Но в динамике щелкнуло, мужской голос промямлил нечленораздельно, с акцентом:

— Что хотели? Ну?

— Марину Сергеевну могу я видеть?

— Нет у нас такой! Давно уехала, да...

Раздумывать было некогда. Неподалеку жила семья Самусенко. Михаил, помнилось, вёл физику, а жена, Тамара, кухарила в школьной столовой.

Андрей Петрович сразу нашел их домик, в котором бывал когда-то. Во дворе пожилая женщина граблями ворошила кучу золотистых кукурузных початков. Прокаливала на солнце. Она вопросительно замерла, когда напротив остановился “жигуленок”.

— Не узнаете? Я в школе работал, Бакланов. Муж дома?

— Заходите! Жарища неподобная... Мишенька! Гость к нам, — звала, вытирая руки о фартук, миловидная хозяйка. — Заодно и пообедаем!

— Только от стола, — улыбнулся Андрей Петрович, становясь в тень развесистой груши. — Я на минутку.

По деревянным ступенькам спустился не ухарь с богатырским развалом плеч, а по-мальчишески сухопарый грустноглазый старичок. Он признал гостя тотчас, приветливо бросил:

— С приездом, Андрей! Что привело?

— Хочу узнать, где Марина, бывшая жена.

— Да как похоронила мужа, уехала к дочке, — отозвалась Тамара и подступила ближе. — Сергей, даром что шофер, а на все руки был мастер. На гармонье играл. Во всем Сергеевне уступал...

— Я знаю...

— От давления помер. А Наташка забрала мать в Ростов. Ох, и натурная она у вас! — с затаенным восхищением сказала Тамара. — Смалочку своевольничала, а повзрослела — и подавно! Некому было приструнить.

А дорогу в жизни сама себе пробила! Была этой, как его... “челночницей”. Потом замуж вышла за “крутого”, его посадили, а в тюрьме порешили... Наталья дела приняла, продолжила. Плакала Сергеевна, жаловалась. Отговаривала Наташку, да куда там! Та-акая отчаянная, что и на тигра кинется, если ее тронет. Неподобная! Теперь депутатом от нашего района. Миллионерша! Частным банком заправляет и по сельскому хозяйству. По телевизору на днях выступала.

— А Марина?

— Внучку воспитывала. Уменьшечка девочка, здесь она и училась, пока мать не забрала. До самого отъезда Сергеевна работала. Днями в классах, а ночами — за тетрадками. Цветы, как на выставку, разводила. Майорки и дубки от нее завела. И розы перенесла, когда чеченцы курень рушили... Отзывчивая была. Ветеранов опекала. А какая рукодельница! Красками картины рисовала... Не раз вспоминала о вас... Адресок ее у меня записан. Правда, в этом году открыток от нее почему-то не было. Сейчас я напишу вам...

Несмотря на все отговорки, Самусенко усадили бывшего коллегу за стол, раскололи спелый арбуз. Как выяснилось, и физик уже второй год не преподавал.

— ЕГЭ — диверсия, — горячился Михаил, рубя по воздуху ладонью. — Нам навязали на погибель эту бабу-ягу компьютерную! Кажется, элементарно просто: заучи и дай ответ. А на самом деле школьников превратили в придаток машины. Оценка зависит не от мыслительных способностей, а от зубрежки. Этот экзамен-представление практически не контролируем. Взятки из институтов переместились в районы. Об этом знают все! Стопроцентные баллы — в горных аулах...

— В нашем крае учатся тысячи студентов из республик. Не знаю, что будет дальше. Весной, в Страстную пятницу, юные джигиты устроили свои ритуальные пляски возле Казанского собора...

— Спешем на молодость. И будем надеяться на... толерантность, — печально произнес Михаил и спохватился. — Погоди, кое-что прочту!

И принес из дома исписанный лист. Водрузил на переносицу массивные очки.

— Недаром предупреждал Макс Вебер. “О своем учителе американский юноша имеет вполне определенное представление: за деньги моего отца он продает мне свои знания и методические принципы, точно так же, как торговка овощами продает моей матери капусту”. Узнаешь концепцию господина Фурсенко? У нас искореняется само понятие “учитель”, утвердившееся еще при Ушинском.

— Его “переформатируют” в торговца знаниями, — подтвердил Андрей Петрович. — Бедный русский язык...

— А нравственная миссия? Избиения учителей старшеклассниками... Слава богу, мы не доработали до такого позора... Школа начинается с дисциплины, которую отвергли в угоду богатым маменькам и папенькам.

Беседа, захватившая Андрея Петровича, прервалась нектати: Михаила вызвал сосед помочь перенести мебель. Старые приятели обнялись. А хозяйка, завернув в бумагу пирожков с картошкой, сунула их в руки гостя и проводила до машины.

— Сдал Миша за лето. И курит, как паровоз, — жаловалась Тамара. — Спасибо, что заехали. Хоть отвлекли... Будете писать Сергеевне, привет передайте. Считай, всю жизнь соседствовали. А ведь мне она как-то намекнула, что забыть вас не может...

День сонливо цепенел в полуденном зное, и в салон автомобиля, учуяв аромат айвы, влетела настырная оса. И флейтовую свою песню рядом, в кроше белоствольного осокоря, терпеливо доневала иволга...

Андрей Петрович простился и медленно поехал к выезду из городка. Смотрел, смотрел на дорогу, а видел перед собой милое лицо, припоминал самый звук её речи. Годы существовала Марина в его воображении — стройная, с гривкой волос, достающей до лопаток, с чувственным изломом губ.

— Значит, и она меня помнит...

Андрей Петрович не узнал своего голоса — так прозвучал он высоко и сокрушенно. Боль покаянная вновь ужалила сердце. Вот ведь как! Два человека, столь необходимые друг другу, жили разлученно, поздно. И виновник этому — он, не устоявший когда-то перед соблазном... Значит, на самом деле, подступала старость, — становился ощутимей бег времени. Охотно вспоминалось о давнем. И Марина снова властвовала в памяти...

5

За станицей потянулись знакомые до бугорка, до ложбинки холмистые поля. Слева, с западной стороны, точно вырос гористый кряж, маяча бурыми пожухлыми склонами и меловыми распадками. Солнце влекло короткую тень впереди машины, по новому асфальту, еще отдающему гудроном. Всё вокруг сливалось в одно короткое слово: родина. В этом краю казачьем начат его земной путь. А где прервется и когда? В неведении последнего мига, пожалуй, и таится особая мудрость мироустройства...

В открытое окошко врывается горячий воздух, неся душные осенние запахи. Он едва охлаждал потное лицо и шею. Знойное марево дрожало по горизонту, изнуряя землю. К насыпи дороги, пугая взгляд, серыми гадоками сползались трещины. Блеклые, с детский кулачок, свисали шляпки подсолнухов, до срока обеспложенные суховеем. Сиротски выглядела кукуруза, малорослая и сутулая. И в атомный век земледелец зависел от природы-матушки. Поволжье измучила засуха. Пожары прокатились по лесам исконной Руси. Жарынь загостилась и на Дону. От бескормицы гурты коров прибивались к дорожным насыпям, выщипывали в бурьянах молодую травку и стебли озими, возросшие самосевом.

Дюжина буренок паслась в низине, куда нырнула дорога. И взгляд Андрея Петровича выхватил степняка, опирающегося на палку с тряпкой. Вблизи оказалось: на древко с выгоревшим алым полотнищем, украшенным серпом и молотом, — флагом Советского Союза.

Пастух на призывный окрик обернулся. Он походил на казака-разбойника, — густая пегая щетина пощадилась лишь нос да глаза, бурвчиками сверлящие из-под соломенной шляпы. Из “бермуд” цвета хаки торчали худые загорелые ноги. Выгоревшая серая майка была мокрой от пота.

— Что орешь? Твое какое дело? — взревел он, выслушав обличительную речь. — Теперь это — сигнальный флажок. Разворачиваю, когда стадо дорогу переходит.

— Это же стяг великой державы! — выкрикивал Андрей Петрович, стоя у машины. — Вы родились и выросли при советской власти. И так поступаете...

— Отцепись, дед, пока не послал... Флаг достался мне от колхоза. Я его к делу преминул.

— Надо уважать государство!

— Какое? Старое или новое? — подхватил пастух. — А за что уважать? Колхоз разворовали. Земельные паи курвина адвокатша оформила на себя и сгинула. А мы остались с воздухом одним! Весной выбрали директора сельхозпредприятия, а суд решение отклонил. Я семнадцать лет механиком проработал на свиномкомплексе. А теперь, с образованием, коровам хвосты кручу. Не брешешь, чтоб не узнавали... А ты распинаешься!

Хуторянин вскинул древко на плечо, распутив по ветру полотнище, и широкошаго, как на демонстрации, потянул вдоль дороги. И брань его далеко разнеслась по степи, затененной кучевыми облаками.

С высокого увала открылись речная долина и — островками садов и хат, линиями улиц и аллей — три хутора по берегам. Бариловка ютилась в подножье холмов, заслоняющая ее от северного ветра, а крайней улицей, с востока, вилотную прилегла к речке Лазорихе. Сердце радостно дрогнуло. Непостижимо, отчего такой властью обладают места детства...

Странно повело машину, она вильнула к обочине, и Андрей Петрович ощутил, как закружилась голова и обмякло тело. Он сбросил газ, на “нейт-

ралке” скатился с косогора к лесополосе. Наверняка поднялось давление. И сердце колотилось как загнанное! Сказывались, конечно, и жара, и нагрузка — шесть часов за рулем. Он путался в названиях лекарств, ориентировался по упаковкам. И сейчас привычно принял зеленую таблетку, запив нарзаном. Точили горло приторно-терпкие запахи паслена и амброзии, джунглями вставшей вдоль огорода. На нем внаклонку работали женщины. Вкрадчиво шумели высокие, сквозящие листвою ясени, под которыми укрылся “жигуленок”. Осенняя степь жила своей неизменной испокон веку жизнью: отдавала возвращенное людьми и — пустела, раскрывалась, тихо готовилась к холодам.

Андрей Петрович вспомнил совет врача думать о хорошем, когда прихватывает сердце. И сразу же перед взором предстал образ матери, — неизяснимо дорогой, ласковый, озаряющий мир. Она помнилась и молодой красавицей, и седеющей, статной, с морщинками у глаз, и совсем старенькой, с палочкой. Материнская любовь, конечно же, Божья милость и благодать. И пока была жива мама, всё у него, единственного сына, ладилось. А в девяносто первом потерял ее — и будто земля ушла из-под ног...

Прикрыв повлажневшие глаза, он подождал, пока станет легче. Прикинул, куда поедет рыбачить. Пожалуй, в Бирючий лог, на старицу. Именно туда они приезжали вдвоем с Мариной, позже работали в пионерском лагере...

И снова представилась она! Не всеобъемлюще, как мать, а удивительно ясно и осязаемо — какой запомнилась в час первой встречи...

Он встретил Марину как раз в ту пору, когда жизнь впереди казалась неоглядной, полной счастливых открытий и свершений. Он мечтал о славе историка, напряженно обдумывал, как совершенствовать обучение, следуя методу Михаила Ефимовича. Но все новшества сразу же пресек завуч, орденосец Великой Отечественной и последователь Макаренко. Он потребовал неукоснительного выполнения стандартной программы. Ни шагу в сторону! Всё же Андрей тайком экспериментировал, использовал редкие исторические источники.

...Девушка вошла в учительскую февральским утром, стройная, сероглазая, с румянцем на щеках, в шубке и белой вязаной шапочке, из-под которой торчали косички с бантами. Не учительница, а старшеклассница! Андрей ощутил, как замерло в груди при появлении красавицы, — и неотрывно смотрел на нее, улыбку.

В этот день Марина Сергеевна, как представила ее директриса, была предупредительно вежлива, собрана. И в мягких жестах, и в полнзвучном голосе таилось нечто привлекающее. Взоры педагогов, опытных душеведов и насмешниц, потептели, — несомненно, в коллектив “впились” не выскочка, которую нужно приструнить, а умная и обаятельная выпускница университета. Ее первые уроки литературы, посетив лично, похвалил даже завуч, чего не делал уже несколько лет.

А у Андрея, опытного присутствием той, о ком мечтал с юности, — прелестной, покоряющей искренностью и энергией женщины, — озарилась душа радостью, как если бы открылась перед глазами алеющая заводь лазориков — священных казачьих цветов.

Он стал бриться с особым старанием, пользоваться только что появившимся польским “Варсом”, купил два галстука и пиджак из кожзаменителя. Увлёкся сочинением любовной лирики.

Марина не сразу уловила его особенное расположение, — вовсе не деловое, неуловимо сближающее. И ответно была с Андреем дружественна. Оба они знали, что находятся под надзором старых перечниц, и стойко сносили их придирчивость, как бы не позволяющую ничего предосудительного между коллегами. Но душевная смута не покидала его, когда Марина была рядом. По взглядам, по интонации голоса он пытался разгадать сокровенные ее желания и мысли...

... — Дядечка, чи ты в Бариловку? — раздался неподалеку голос, и слышались шорохливые шаги идущих по сухотравью.

Андрей Петрович выглянул из машины. Три хуторянки — каждая с пол-

ным ведром помидоров — вышли из лесополосы. Посередине шла пузатая, полнолицая цыганка в красной косынке, повязанной по-пиратски. Слева от нее семеняла скуластая дамочка в рыжей футболке и пятнистых шортах. А третья — подвижная огородница в кофточке и трико, с лукаво-веселым выражением глаз-пуговок и красным носом.

— В Бариловку, — подтвердил Андрей Петрович, с любопытством разглядывая хуторянок.

Черным магнитом притянули глаза цыганки, она остановилась и шарахнулась назад.

— Ой, дядька! Я с тобой не поеду. Что-то с тобой будет нехорошее... Не знаю точно... Сама дойду!

А подруги не побоялись. Уселись в машину, посмеиваясь над гадалкой. Однако слова ее не на шутку растревожили Андрея Петровича. Прежде с недоверием относившийся ко всем предсказаниям, на этот раз он почему-то вздернулся.

6

За пять минут езды хуторянки прожужжали уши! Рассказали и о предстоящем собрании пайщиков, и о борьбе за уголья бандитских кланов, и о беззаконии, чинимом райадминистрацией, и о повальном пьянстве молодежи.

Он высадил землячек у магазина-развалюхи, откуда рукой подать до Дома культуры. Возле него уже стояли машины и мотоциклы. Даже две подседланные лошади дремали, привязанные к Доске почета, на которой вместо фотографий пестрели объявления. Кучка мужчин, гомоня, курила на ступенях. Наверное, брат тоже был там.

У обочины кудрявая девчушка пасла на лебеде индюшат. И заодно продавала дыни, сложенные курганчиком.

— Почём товар? — спросил Андрей Петрович, выглядывая из окошка.

— Сладющие! Аж губы липнут! — протараторила замазура с перенятой у взрослых интонацией. — По червонцу прошу!

— А почему не расчесана, не умыта? В школу ходишь?

— А ну ее! Надоело! — пожаловалась пастушка, морща нос. — Как мамку посадили в тюрьму, так и бросила. Лучше играть с братиком и бабушке помогать...

Озорная и доверчивая улыбка взяла за душу — Андрей Петрович наставительно сказал:

— Ты ошибаешься. Дети должны учиться! Чтобы стать грамотными людьми.

— Лучше певицей быть из “Блестящих”! — выпалила девчушка. — Или почтальонкой. У нее денег полсумки, когда пенсию приносит... Вам какую?

— Любую.

Вероятно, по наущению бабушки (коль покупатель не привередлив), маленькая плутовка подала дыньку самую неказистую. И, зажав в ладошке мелочь, помчалась к приземистой халупе, у которой наблюдала, подбоченясь, крупнолицая тетка. Андрей Петрович видел, как пастушка передала выручку и пустилась обратно. Всё восстало в нем: и жалость к оборванной девочке, и гнев за безразличное отношение родных, и боль за страну, ставшей такой...

И он стремительно пошел было по лебеде к хате, но вскоре осадил себя. Это прежде слово учителя имело вес и уважение... А теперь...

Родное подворье, проданное беженцам из Карабаха, неузнаваемо преобразилось. К дому достроили тамбур. Крыша блестела профнастилом. Дощатый забор закрыл крыльцо. С волнением ступил Андрей Петрович на спорыш, выщипанный утками. Старая вишня-рогатуля маячила верхушкой с огородной межи. Вспомнилось, как сажали ее с отцом... Сколько раз уезжал он отсюда и возвращался! Сколько пережито здесь и потеряно! Этот кусочек донской земли был для него центром планеты! Был... А сейчас раздавалась тут непонятная речь, плакал младенец. Разочарованно кольнула сердце, точно ошибся адресом...

Вот он, сначала пологий, а затем все более крутой подъем с полосой асфальта, ведущей к хуторскому кладбищу. Взгляд как-то сразу охватил на всхолмье это сонмище остроконечных железных оградок, кустарников и крестов, памятников, украшенных пластмассовыми цветами, веночками; между могил — бурьянную дурнину, лохмы конопли и польные стежки. Погост, однако, разросся невероятно. И, выйдя из машины, исподволь поддаваясь той щемящей тоске, которая овладевает на кладбище, Андрей Петрович сделал крюк, прежде чем нашел две спаренные металлические пирамидки с крестами, выкрашенные серебрянкой. Глаза скользнули по ним, различили фамилии и замутились... Он плакал, будто заново переживая потерю родителей, ощущая свое сиротство, безвозвратность всего... Когда-то и его утеснят в обтянутый тканью гроб, забьют крышку гвоздями и опустят в вечный мрак...

Андрей Петрович смахнул слезы, трезвея от ужаса представившегося, и огляделся. Гробнички поросли выгонками сирени и травой. Никто не появлялся здесь с пасхальных дней. Он вернулся к машине, взял нож и под корень вырезал побег. Тяготило, что приехал с пустыми руками, хотя и мог купить цветов в станице. Впрочем, суть не в условностях. Главное, что приехал он сюда и уедет не с пустым сердцем...

Андрей Петрович подъехал к аржановскому куреню, вылез из машины, захватив пакет с айвой. Солнце дробилось в кроне вербы, парусящей на ветру. Из палисадника тянуло календулой. Андрей Петрович подошел к калитке. И тут же попятился, заметив овчарку. Она с разбегу шибанулась о планки, вздыбилась, щеря пасть. Однако покорно отскочила, услышав зов хозяина:

— Пальма, цыть! В будку! Кто тут?

Согбенный, подряхлевший дядька Аким, шаркая калошами, вышел из-за временки...

— Дядь Аким! Неужели не признал?

Старик закрыл собаку в будке и поковылял навстречу. Нemoщ остановила его на полпути, он ухватился рукой за ветку яблони.

— Голос знакомый... Зараз глазами обнищал.

— Да я это, Андрей! Родно встречайте!

— Андрюха? Приехал, растудить его мать! Ну, заходь. Собачку не бойся. Один чи с бабой?

Обнялись и по-казачьи троекратно поцеловались. Вблизи выглядел дядька еще жалче — морщинистый, беззубый, бледный. Огорчило и выражение глаз его, поделеповатых и как будто недоуменных. Держась за руку, дядька повлек гостя к столу под яблоней. Заученным жестом нашарил на нем пачку "Нашей марки", вытряхнул сигарету, прикурнул от пластмассовой зажигалки, на шнурке висящей у него на шее. Усадил племянника рядом на табурет.

— Вот какой я, Андрюха, теперича! Обжников! Ноне на этом свете, а завтра неведомо... Дашу, супружницу мою, третий год как поховали... Рак замутил... — старик прослезился, рукавом рубашки стал вытирать, шурша щетиной, лицо. — А тут и Танька, ее сеструха, отмучилась. Задержался только я. Один на весь хутор фронтовик... Ты голодный? Нагреть борща?

— Молочка бы домашнего.

— Оно у нас завсегда домашнее, — засмеялся, вдруг изменившись в настроении, старик. — В холодильнике стоит, в кухне. Пей сколь хошь.

Андрей Петрович налил из бидончика холодного отстоявшегося молока полную кружку. Выпил его, слегка отдающего польноью, жадно и вельсть.

— Наши на собрании, — поведал дядька, когда Андрей Петрович взбодренным вернулся во двор. — Хуторцы митингуют, не отдают землю. Депутата вызвали. Чистая революция! Да-а... А какой же ты есть? Дюже потолстел?

— Наоборот, похудел. Сердце барахлит.

— Это учительство выходит. Внукова жинка, Лариска, химии обучает. Кажин день плачет! Не детки пошли, а чертячи выродки. Прямо на уроках матюкаются, дерутся, пиво пьют. А главное, к учебе без внимания! Оно и понятно, зачем голову ломать, коли ценят не по знаниям, а по доходному месту? Гибнет младежь. Тьняется, не ведая, как силы приложить. Ну, Бог с ним... Ты, должно, и не ведаешь, что Ваня при одной ноге?

— Как — при одной?

— Отчекрыжили правую. Догулялся! Твердил я ему: не лезь ты в ата-маны. Не послушал! Форму себе пошил за три тыщи! Организовал казачье общество. А толку? Походили по хутору, попугали собак — и угомонились. Властям это казачество без надобности, ишо стали к сыну прискипаться, что люд баламутит. А он поискал правду, поискал, болезню себе нажил и — всех делов! По-первах большой палец почернел, опосля на ступню перекинулось. Мы таких напастей сроду не знавали. А всё почему? Тарелки лета-тельные кружат.

— А при чем НЛО? — усмехнулся Андрей Петрович, взглянув на ча-сы. — Существование их пока не доказано.

— Как это не доказано? — осердился старый казак, находя на столе пель-пешницу и заминая в ней сигарету. — И Ванюшка видал, и кум Григорий. Перед уборочной, я помню, прямо на ниву, паразиты, садились. Как плюх-нулась тарелка, так и полегли хлеба. Навроде узора: по краям четыре боль-ших круга, ишо поменьше круги и знаки, как звезда о восьми углах. Вот и рассуди: в кой год эта “посуда” объявилась? Аккурат в девяносто пер-вый, — я ишо плотничал, когда Ельцин на танк залез! И сразу всё занеха-лось, и народ сказился. Не иначе инопланетные посланцы сгубили!

— Дядь Аким, поеду я. Неизвестно, когда Иван освободится. А я хочу на рыбалку успеть. Червей накопаем?

— Зараз наведем рассол и — накопаем, — поднялся хозяин и заковы-лял к времянке. Вышел оттуда в очках и с куриным яйцом в руке. Загляды-вая вовнутрь осмоленной и на треть наполненной водой кадки, стоящей в те-ни, пояснил:

— Арбузы переспели. Срочно солить надо. Сентябрь на второй полови-не... Достань ишо ведра два!

Гость с не позабытой еще ухваткой принялся вращать ручку колодезно-го ворота, — сперва разматывать цепь, затем — с полным ведром — накру-чивать. Дядька Аким высыпал три пачки соли, разболтал рассол палкой и опустил в него яйцо.

— Всплыло?

— Нет пока...

Старик еще добавил соли, и доньшко яйца забелело над водой.

— На какую монету вылезло? На копейку чи больше?

— Пожалуй, на пятак.

— Теперича можно и кавуны топить! Так довеку казаки делали. Скус-ней закуси нема! Хоть под винцо, хоть под самогон... Ну, иди в сарайчик за лопатой, — приказал старик и оббил с заскорузлых ладоней зернистую ук-раинскую “силь”.

Андрей Петрович отбросил просевшую на петлях дверь, — лицо обдало застоявшимся дневным жаром, запахом лежалой пыли, сухих лозин и лука, в косичках подвешенного к паутинистой перекладине. Глаза выхватили гору хлама, сброшенного к стенке, в которой он узнал вещи из собственного до-ма. Их перевезли сюда, когда вселялись новые хозяева, и хранили неизвест-но для чего. Радиола “Ижевск” с белыми пластмассовыми клавишами и руч-ками, со стеклянной шкалой, пестрящей названием столиц, издавала специ-фический гаревый дух, несмотря на давность лет. В развязанных мешках хранилась обувь, настольные парафиновые зверушки: зайчики, медвежата, слоники. Грудились стеклянные абажуры, банки. Увидел он и связки своих детских книг, стопки общих тетрадей институтской поры. И вдруг ахнул, уз-нав потертый портфель, с которым начинал работать! Не зря прятал днев-ник от Аллы, когда гостили у родителей...

— И де ты застрял? — нетерпеливо звал дядька со скотиньего база. — В углу гляди!

Андрей Петрович украдкой выставил портфель за дверь, чтобы забрать после, и с лопатой последовал за хозяином. Упорные поиски оказались тщетными. Сушь и жара загнали червей на глубину. Утешив старика при-знанием, что предусмотрительно запасся магазинной коробочкой дождеви-ков, к тому ж есть перловка и кукуруза, гость надергал в огороде укропа и засобирался.

Фойе Дома культуры встретило потрескавшимся плиточным полом, облезлыми стенами и старыми фотопортретами киноактеров, которых узнать, однако, было мудрено. По всему, хуторяне бывали здесь редко. Но в этот день зрительный зал оказался переполненным. Андрей Петрович остановился вблизи входа. На освещенной сцене восседали за столом четверо важных мужчин, в белых сорочках и галстуках, — дяди отменной начальственной породы!

— ...Мы и к прокурору ходили! А толку? Все захватчики нашей земли в одну дуду дуют! В закон упираются! — надрывала голос интеллигентного вида дама с шиньоном на голове и в старомодном костюме. — Васин сдал в аренду Марченко сельхозугодья, пастбища, выделенные сельскому поселению на развитие. За отчетный период...

— Это всем известно, — перебил со сцены коротыш, выпучивая глаза, и сделал ладонью останавливающий жест. — По существу вопроса. Что вы предлагаете?

— Верните нашу земельку! Мы выбрали тебя, Васин, главой хуторской администрации, а ты миллионы хапнул! — выкрикнул нетрезвый мужской голос из глубины зала.

— Пра-альна! — визгливо подхватила какая-то заполошная баба. — Душу имей! Не один ты у мамки!

— Через суд мы хотим ваш договор с Марченко расторгнуть. Признать недействительным, — продолжала выступающая. — А землю провести через тендер и сдать в аренду по реальной стоимости. С учетом полезных ископаемых.

— За пятьдесят миллионов долларов, Ольга Ивановна! — напомнил расхрабвившийся крикун.

— Тендер покажет цену, — наставительно проговорила ораторша, поворачиваясь к своим сторонникам. — Думаю, хватит и нам, и нашим детям! Есть вопросы к агрохолдингу. Жаль, что их представителя нет. Ростовская фирма прямо из глотки паи вырывает.

— Не бреш! — перебил, вставая, худой скуластый усач. — Шацкая по совести плотит! Никого не принуждает.

Зал загомонил, в путанице голосов Андрей Петрович уловил и возгласы одобрения, и озлобленно-настойчивое требование “расторгнуть договор”. Толстощекий крепыш, маяча ярким голубым галстуком, встал из-за стола и нажал:

— Прошу успокоиться! Я, как депутат законодательного собрания, приехал с замом главы райадминистрации разобраться. Соблюдайте регламент.

— Верно, для администрации теперешние законы — рай! Потому и называется: “райадминистрация”. Нехай атаман слово замолвит! — потребовал кто-то из хуторян в переднем ряду.

— Любо! Аржанов прояснит! — поддержал боевитый казачок, стоящий у двери.

Иван оказался у противоположной стены. Встал, опершись на костыли, лицом к сцене. На нем, длинноусом и чубатом, празднично синела казачья форма — гимнастерка и шаровары с пустой подколотой штаниной.

— Братья казаки и казачки! — обратился Иван, окидывая зал строгим взглядом. — Расклад ясный. Васин сдал Марченко клин поселенческий в аренду. Не за “спасибо”, конечно! А Марченко эту землю купил. Стала она его собственностью. Геологи открыли циркониевую руду. Немереные залежи! Марченко перепродал землю московским богатыям. А те выстроят возле хутора комбинат, начнут добычу. Короче, будут наживать капиталы...

— Я слышал, что Бариловку снесут до крайнего дома, — вскопчил сухощавый кавказец. — А нас куда-то переселят!

— Вполне возможно, Ашот, — поддержал атаман. — Проект комбината скрывают. Тайна коммерческая. От кого? От нас!

— Новую жизнь, господин атаман, строим, — не без досады заметил рыжеволосый чиновник, переглядываясь с председательствующим. — А кто мешал тебе взять эту площадь в аренду? Был бы ты теперь законным хозяином!

— Господин заместитель! Не “тыкай” и не лукавь. Всем известно. Вы и Васин не дали! — Иван пристукнул о пол костьюлями. — Одна шайка-лейка. Но на измене не возьмете! Наша это земляца. Прадедов! И мы должны блага от нее иметь, а не пришельцы загребущие...

Хуторяне зашумели, дружно захлопали в ладоши. Пронзительный свист выстрелил по сцене.

— Биться будем за справедливость! — с силой произнес атаман, оглядывая земляков. — Теперь и с паями катавасия. Если не переоформим их заново за сумасшедшие деньги, то нас и наделов лишат. А как переоформлять? Взятка взятку погоняет.

— Надо президенту написать! И всё ему по полочкам разложить, — с водущевиением предложила вставшая в первом ряду хуторянка, в которой Андрей Петрович узнал свою чудакватую пассажирку. — Мы за него голосовали, и он нехай нас защитит!

— Уважаемая, у него других дел нет, как хутором вашим заниматься? — распалился депутат. — Думайте, что говорите!

— Помогли же, не помню иде, водопровод в село провести, — не унималась бабенка.

Иван что-то сердито буркнул, сажая ее на место. Выдержал паузу.

— Через суд будем решать, — повторил он, глядя в зал. — А криками и бунтом толку не добьешься. И я снова прошу, братья-казаки: переизберите атамана, я не двужильный...

— Начал за здравие, а кончил за упокой! — воскликнул у двери сгорбленный старик. — Терпи! Заменить некем!

— Это в девяностые, когда возрождали казачество, мы духарились. А нонче реестровыми казаками власть командует. Под московскую дуду пляшут войсковые атаманы. Рази ж это вольница? — ухмыльнулся его сосед, осанистый немолодой хуторянин.

— А чо егизить? — зачатила тетка в рябой косыночке. — Молодежи в хуторе кот наплакал, скрозь пенсионеры. Скоро и нас не станет. Земелька всё одно чужакам достанется.

Иван, нахмурившись, сел. А его сменила приземистая бабка-казачка с носом-картофелиной, костеря Васина (им оказался пучеглазый в президиуме) за то, что не помог ей с покупкой угля как пострадавшей от политических репрессий.

Андрей Петрович, пересиливая сонливость, подался на воздух. Сквер уже заволокла тень, изломилась по горбам легковушек. Припаленное зноем небо цепенело в клочковатых барашках. Вспомнив о находке, он забрался в машину, надел очки и вытащил из пакета портфель. Внутри его хранился футбольный календарь-справочник за 1965 год, когда ростовский СКА добыл “серебро” футбольного чемпионата, блокнотик со стихами и тетрадь в коричневой клеенчатой обложке — старый дневник.

7

На поблекших листах легко читался его узловатый почерк.

“Каждый день я вхожу в класс с радостным подъемом и ощущением, что сейчас произойдет нечто необыкновенное. Шум, разговоры, пересемешки постепенно стихают, лица школьников обретают сосредоточенность. С первого взгляда я замечаю, кто подготовлен, а у кого в глазах тревожный огонек. Сотни нитей незримо связывают меня и учеников. Мы заняты одним делом — изучением очередной темы, события жизни выдающейся личности. Я акцентирую внимание детей на особенностях и драматизме времени, мотивах происходившего. Не зря кем-то сказано, что изучение истории — это путешествие по вечности с достойным и эрудированным человеком. Однако меня, педагога, в строгих рамках держит программа обучения, методические разработки. Поэтому, наверно, курс истории советского периода осваивается ребятами с меньшей охотой. Гражданская война, двадцатые и тридцатые го-

ды трактуются в учебниках однобоко, с точки зрения классовой борьбы, как этапы построения социалистического общества. Но мне известно совершенно иное, благодаря рассказам очевидцев и архивным данным. Красный террор в Ставрополе сравним с пугачевскими казнями по необузданной жестокости. Чем большевики гуманней белогвардейцев? Ошибочно употребил слово “гуманней”. Когда речь идет об истреблении классов или сословий, кощунственно даже упоминать о человечности! При всех научных выкладках я не могу разделить мнение об оправданности “рассказачивания”. Свидетельства моей бабушки и хуторян, страницы великого шолоховского романа, документы подтверждают злонамеренность Троцкого, Свердлова, председателя Донбюро ВКП(б) Сырцова, позже — Кагановича в “кардинальном решении казачьего вопроса”. Подобным образом в разгар Второй мировой Гитлер намеревался поступить с евреями Европы. Деяния фашистов преданы анафеме, но почему не получили такую же оценку преступники-палачи, уничтожившие миллионы казаков?

Сегодня, накануне двадцатилетия Победы, мы со школьниками возлагали цветы к памятнику, установленному у братской могилы. Такие памятники навек связали республики Союза и страны соцлагеря. Впрочем, Санька Акименко, мой сосед, служивший в Венгрии, рассказывал, что его несколько раз называли там “оккупантом”. Неужели дружба народов — это миф? И мадьяры забыли, кто освободил их страну от фашистов? История полна примеров вопиющей неблагодарности. И горько, что великие подвиги советских солдат так быстро забываются...

Провел в старших классах занятия по книге Смирнова “Брестская крепость”. Она воспитывает у ребят патриотизм. Пришлось рассказывать о битве за Сталинград, о десанте Куникова, о масштабной операции Красной Армии на Кавказском фронте. В историческом аспекте важно привлечь интерес детей к героизму их отцов и дедов.

Марина подкрасила волосы лондотонном, — они обрели золотисто-медный оттенок, что так идет ей, сероглазой. И сразу же завуч по воспитательной работе, Анастасия Кузьминична, безмужняя брюзга, сделала замечание, что яркая внешность не способствует усвоению материала на уроках, ибо отвлекает учащихся. Я возразил завучу: мир, по Достоевскому, спасет красота! Она — союзница в общении людей. Наши “учительши” посмотрели на меня с осуждающими гримасами, обрушились хором, уличив в не подобающей педагогу этике. Эка хватило! Да еще и напомнили, что я — педагог и должен повязывать галстук. Чуть! Я был в сорочке, поскольку выдался жаркий день, — уже конец апреля. А прежде, надевая костюм, я соответственно подбирал и галстук. Даже Марина это хвалила! А сегодня мы с ней смиренно вынесли поток нравоучений, а после уединились в кабинете истории. Я предложил съездить за лазориками, как называются у нас степные тюльпаны. У Марины заблестели глаза, она с радостью согласилась!

Я взвинчен до крайности! Перед самым уходом домой в кабинет истории, благо он был пуст, ворвалась мать Тимченко Ивана, ученика 7-го “Б”, и устроила скандал. Она упрекала меня за то, что якобы “взъялся на малую дытуну”, несправедливо ставлю двойки. А у него годовая отметка по истории выходит “неуд”! Тимченко — отъявленный бездельник. Я пытался ее урезонить, но она обругала и бросила в лицо дневник! Ничего подобного не случилось. Сгоряча я обратился к директрисе. Но Любовь Степановна встала на сторону мамы и потребовала, чтобы я был снисходителен к Тимченко, поскольку его дядя — начальник СМУ (строительно-монтажного управления), а школе необходим капитальный ремонт. То есть личность учителя ничего не значит по сравнению с выгодой, которая зависит от покровительства начальника! И это — советская школа?!

Пишу стихотворение о любви, о Марине. Послезавтра, в воскресенье, поедем с ней в Бирючий лог. Как я жду этого!

Грустно на душе после разговора с завучем. Он наорал за то, что использую на уроках цитаты из Иоанна Златоуста. Но ведь это — великий право-

славный философ! И весь вечер почему-то вспоминалось студенчество. Как вызывали к декану...

Со второго курса меня увлекла история Киевской Руси, становление русских княжеств, последующие века вплоть до эпохи Петра. Мой одногруппник, Семка Гольдман, приносил для чтения (по два рубля за том) “Историю государства Российского” из библиотеки деда. С трепетом брал я в руки до-революционные книги, с “ятями”, с пятнышками свечного воска. Семен утверждал, что собрание сочинений Карамзина — из гимназии. Боже, сколько людей учило историю по этим пожелтевшим страницам! Они обладали магической властью, вызывая эстетическое удовольствие от плотной глянцевиной бумаги, от стиля изложения, от чувства сопричастности тому великому, что пережито Россией. Я запомнил начальные слова: “История в некотором смысле есть священная книга народов; главная, необходимая; зеркало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение и пример будущего”.

И чем глубже изучал я российскую историю, зачитываясь Соловьевым, Костомаровым, Ключевским и Забелиным, чем шире знакомился с архивными материалами, тем сильнее охватывало меня вольнодумство. Разница между выводами и заключениями великих историков и тем, что написано в институтских учебниках, — огромнейшая! Я нередко спорил с однокурсниками и даже преподавателями, пытаясь установить истину.

Наряду с лирикой сочинил эпическую поэму “Благоверный Владимир”. И вдруг на четвертом курсе меня пригласил к себе секретарь институтского бюро комсомола. Строгий парень, с профилем Ленина на лацкане пиджака, потребовал “не пороть чужь насчет величия Руси, а проявить себя в делах комсомольской организации”. По наивности я отнесся к предостережению легкомысленно. Затем главу из поэмы отказались опубликовать в институтской многотиражке. Безо всякой причины преподаватели стали ко мне относиться придирчиво. А я доказывал правоту, основанную на дополнительных сведениях, и на коллоквиуме похвалил адмирала Колчака за географические открытия.

Тот солнечный октябрьский день запомнил навсегда. Меня потребовал к себе декан. И едва затворил я тяжелую дверь его кабинета, как ощутил зловещую тишину. Владлен Иванович, читавший у нас лекции, был хмур, задуманно крутил шей, хотя узел галстука можно было бы ослабить. На мое приветствие ни он, утиравший пот с покрасневшей лысины, ни мужчина атлетического сложения, в сером костюме, не отозвались. “Бакланов? — неприязненно уточнил незнакомец, суживая ледяные глаза. — Студент четвертого курса исторического факультета?” — “Да”. — “Что такое великодержавный шовинизм, вам, надеюсь, известно? Тем более что вы — комсомолец”. — “Пока еще студент и комсомолец...” — подыграл Владлен Иванович. “Разумеется, знаю, — ответил я уверенно. — Ленин указывал на...” — “Молчать! Белогвардейских палачей полюбил? Кто дал задание вести антисоветскую пропаганду?” От страха я остолбенел. А “серый человек” молотил обвинения, выведывал, кто разделяет мои взгляды националиста. В голосе его ощущалась такая сокрушительная энергия, что мурашки бежали по спине. Я на самом деле поверил, что совершил преступление...

Как померкло в глазах — не уследил. Очнулся в приемной, когда фельдшер держал у лица ватку с нашатырем. Не было бы счастья, да помог обморок! Хотели, вероятно, за вольнодумство отчислить из института в назидание другим, но выяснили, что враг из меня неопасный, хилый, и ограничились проработкой.

Стихотворение получилось таким:

*Пусть дороги пеплом припорошены
Бесшабашной юностью вдали, —
Мы идем звенящей летней рощей,
Отдавая всё сполна любви!*

*О, моя восторженная женщина!
Несравненна ты в своей красе.
Знать, недаром Богом мы повенчаны, —
Грустный странник и цветок в росе...*

Именно так я воспринимаю возлюбленную!

Пишу в родном доме. Полночь. Неожиданный дождь заставил удирать на мотоцикле из Бирючьего лога и укрыться в хуторе. Мы примчались к родителям с большой охапкой темно-красных лазориков. Я познакомил их с Мариной. Мать сразу же заулыбалась, и я убедился, что моя будущая жена ей понравилась. А отец по своей всегдашней замкнутости, привыкший сутками работать в поле на тракторе, лишь вежливо поздоровался. Дождь шпарит до сих пор! Поэтому после веселого застолья, — даже Марина пригубила домашнего винца, — родители нас не отпустили. Марина спит в моей комнате. А мне постелили в прихожке. Но разве уснешь?! Слушаю, как шумит апрельский ливень...

Я невероятно счастлив! Да потому что целовался с ней на пруду, потому что она тоже призналась в любви. Потому что мы молоды! Такая запретная радость овладела мной впервые в жизни! С упоением думаю о Маринушке, самой прекрасной на планете!

Сумбур в голове. Господи, какое блаженство быть рядом с любимой, созерцать ее красоту, желать безумно! Самые ласковые слова, какие существуют, я сказал сегодня Марине и прочел стихотворение. Она обняла меня...

Бирючий лог уже зацвел, подернулся пушковой травкой, а гладь огромного пруда обрела теплую, глубокую зеркальность. Жаворонки не умолкали над нами в солнечной выси — близкие как будто и незримые. А мы бродили с Мариной, замороженные простором, цветущим терном, лимонно-желтыми и красными протоками лазориков. И я говорил ей о любви..."

8

— ...Трошки, дядька, отъезд! Слышь? Не проходит машина! — требовал рядом настойчивый басок.

Андрей Петрович оторвался от дневника. Небритый хуторянин с шельмоватыми глазками, склоняясь к дверце, показывал рукой на допотопный "москвичок". Разъехались. И тут же из Дома культуры высыпала шумливая толпа. Среди женщин он высмотрел курносую, коротко подстриженную Валентину, в пестрой кофточке и широченных темных штанах. Располневшая и как будто укоротившаяся в росте, она также увидела его и подвернула, улыбаясь веснушчатым лицом.

— Никак ты, Андрейка? Откуда надуло?

Брат, перебирая костылями, правил к ним по опустевшей аллее. Седоватый чуб был мокрым от пота, капли его лоснились и на щеках. С лихим видом, расчетливо встал в полуметре, зажав планки под мышками. И по движению порывистой руки, по блеску глаз угадывалась неподдельная радость.

— Должно, отец сказал, где мы? Молодец, что прикатил, — говорил Иван, глядя цепко и озорно. — Видишь, как обрубил? А все равно пляшу на одной ноге!

— Когда глаза зальет! Ему пить запретили как смертнику, а он... — Валюшка сокрушено махнула рукой. — Атаман одноногий!

— Ты, вижу, на лихом коне, — кивнул Иван, не обратив внимания на задирку жены.

— Так точно, господин подьесаул! — Андрей Петрович, подхватив шутивый настрой, жестом пригласил к машине. — Извольте. Доставлю с ветерком!

Валентина помогла мужу сесть сзади, а сама плюхнулась рядом с гостем. Он повел машину и сразу же признался:

— Хоть и вызвал ты меня, Ваня, по горькому поводу, а все равно приятно. Соскучился по родине.

— По какому поводу? — оглянулась казачка. — Прямо чудеса! Они всё знают, а я как дурочка.

— Не дуй в уши! — огрызнулся супруг. — Привыкла орать... Мы с Андреем должны теткино наследство поделить. Поровну. Я узнавал у юриста, когда в больницу ездил.

Андрей Петрович переключил скорость, разгоняя машину. И не заметил, как Валюшка налилась вишневым соком, созрела в гневе.

— Понятненько... А какое отношение Андрей к тетке имеет, если век не видал, не кормил, сранки не замывал? — вновь обращаясь к мужу, выпалила казачка. — У меня ты спросил, — я твоя жена?!

— Угомонись! Дюже расхрабрилась...

— И ты, гостечек, хорош! Глаз не казал, а за добычей явился. А еще детей в школе благородству наставлял!

— Мне это наследство не нужно, — успокоил ее Андрей Петрович. — Я приехал за тем, чтобы оформить его на Ивана.

— Встряешь в казачьи разговоры... Шмонька! Костылем перетянуть? — возмущенно рявкнул и заворочался позади Иван.

— И перетяни, поглядим, что будет... — бесстрашно отозвалась супруга.

До самого дома ехали молча. Высадив жену и приказав ей готовить обед, брат попросил “мотнуться по делам”.

— Не обижайся. Валька у меня шальная, с одного оборота заводится. Ну, да шут с ней! Отобедаем, а водочка сама, как говорится, надоумит... Помнишь, где Майский? За двадцать верст отсюда. Вряд ли кто подворье купит. Разве беженцы какие... Наоборот, оттуда съезжают. Заколачивают хаты...

— Это за Бирючьим логом?

— Чуть дальше.

— Я хотел порыбачить там. С ночевкой.

— Дело хорошее. Побуду с тобой, но только дотемна. Укол нужно делать. Да и культя подкравливает, зараза. Перевязываю...

— К нотариусу утром махнем. Управимся за день?

— Как обернется.

Свернули в проулок, как указал брат, к частному магазинчику. Узнав, что гость на понох не выносит спиртное, Иван огорчился, но “чекушкой” всё же запасся. Долго выбирался, гремя костылями, покупал, вновь садился в машину. И, усевшись, вздохнув, стал говорить о наболевшем.

— Не предполагал, что такое случится со мной. Видно, гильки отозвались. Я меры ни в чем не знал! Сил на сто лет накопил... Атаманом выбрали. С трудом расшевелил казачков. На язык они все герои, а на дело — не дюже. Пытался установить у нас казачье самоуправление. Тогда такое веянье было. Но сверху наложили лапу, игры с возрождением казачества кому-то в Москве надоели. И треснули наши надежды на льготы, как коренным жителям, на кредиты для развития сельхозпроизводства. Поставили в один строй со всеми! А можем мы, полуграмотные в экономике люди, тягаться с менеджерами? Уходит, Андрей, земля наша казачья из-под ног. Теряем ее навсегда. И не знаю, что делать... Я в Афгане полгода оттянул. Один раз вляпались в окружение. Сначала страх окатил, а когда в бой вступили, озлобление взяло, одно дикое желание — убивать... И все же была в душе вера, что вырвемся... И вырвались! А сейчас веры нет... Возьми нашего Васи-на. Это удручает! А мне что, пожизненно биться? Никто не хочет атаманить. Никому этот крест не надобен!

— Сложи полномочия. Нога не зажила, а ты воюешь.

— Уберем кукурузу и подсолнух, расквитаемся с долгами, и выйду в отставку. Шацкая, бизнесменша наша крутая, обещала помочь. Мы кредит в ее банке брали. Единственная, кто делает что-то для людей. И женщина такой красоты, что... Если бы таких больше было... Устал я бороться, братка! Пойду сторожить на стройку. К немцам в плен, прости Господи... — брат хохотнул и крепко выругался...

Хозяйка, то ли стараясь загладить свою несдержанность перед родственником, то ли просто из гостеприимства, колесом каталась по двору, где накрыли стол под яблоней. Дядька Аким сменил рубашку и набок пригладил кудельный вихор. Вовремя вернулась из школы сноха Лариса, вскоре с междугородной маршруткой приехал и молодой хозяин. Пока Валентина стирала и накрывала, неторопливый тек разговор. Андрей Петрович удивился, узнав, что Михаил не работает в сельхозпредприятии, созданном отцом.

— Не хочу в земле ковыряться, — говорил он заносчиво, с улыбкой. — Вообще, крестьянский труд считаю каторгой. Зимой на морозе, летом — на жаре, круглые сутки вкалываешь. Была бы у меня квартира в городе — сразу бы отсюда уехал. Жена в школе, как в тюрьме. А в городе — варианты. Я вот нашел место на хлебозаводе. Через день в Ростов, за шестьдесят верст, мотаюсь. Смысл есть. А казачество — нереально!

— Да потому, что все такие хитромудрые, как ты, — осуждающе бросил отец. — Разве мужское дело пельмени лепить? Чем ты хвалишься?

— Их машина производит! — возразил Михаил. — Найди мне работу с нормальным окладом! Только не на тракторе и не скотником...

Такие сшибки, по всему, были нередкими. Дядька Аким неопределенно заметил:

— Каждый рубит сук по себе. Трошки охолоньте...

— Я тоже покинул хутора. А сверстники остались, — вступил в разговор Андрей Петрович, желая внести мир. — Теперь — наоборот. Остаются единицы. Конечно, это плохо. Впрочем, на Кубани закрепление молодежи на земле налажено. Да и у нас, на Дону, немало казачьих династий. Всё зависит от отношения к отчей земле, от чувства хозяина на ней.

— Правильно! — поддержал Иван. — А Мишка чужое полюбил. Хотя смалочку к земле приучали...

— Извини. Другие интересы, — огрызнулся тот и взял к себе на руки щекастенную дочурку.

Застолье, обильное и разговорчивое, разморило. Захмелев, дядька Аким принялся петь старинные песни. Валентина его поддержала, а затем стала собирать рыбакам харчи. И только трехлетняя Ульянка, глазастая, в розовом платьице, с бантиком на толстой русой косе, с таким старанием подпевала старику, повторяя взрослые слова про любовь-разлуку, что Андрей Петрович растроганно сказал брату:

— Истинная казачка! На гонимом уровне отзывается... Не понимает ничего, а слова и мелодия ей нравятся...

Иван со вздохом отвернулся, пряча повлажневшие глаза.

Провожая мужчин, Валентина негаданно вынесла из хаты и подала родичу темную, древнюю иконку Богородицы. С чувством произнесла:

— Нехай тебе хоть икона теткина достанется! Благоносящая и намоленная. Вашего деда и бабуку ей благословляли.

— Спасибо, Валюша, огромное!

И, взяв иконку, рассматривая лик Донской богородицы, Андрей Петрович ощутил в руках странное покаяние, теплоту — и волнующе радостно зашло сердце...

Михаил, напутствуя отца, предостерег:

— Вы осторожней там. А то гаишники два раза маршрутку останавливали. Кого-то ищут. Наверно, бандитские разборки. Позвонишь — я за тобой на мотоцикле приеду.

9

Иван надергал десятка три нагуленной плотвы и карасей. И, заскучав на берегу в одиночестве, докричался до брата, заплывшего на лодке в протоку, предупредил, что собирается домой. И вскоре Михаил, вызванный по телефону, приехал за ним. Выплывать, отрываться от прикомленного места Андрей Петрович не стал. Утром все равно встретятся...

Когда солнце стало меркнуть в дымке, и полнеба охватило прощальное

зареву, — прудовая вода, смятая во всю ширь волнами, вдруг преображено замерла и как будто с глубины осветилась веселым розовым пламенем. И показалось Андрею Петровичу, засмотревшемуся на закат с обрыва, что кто-то неведомый забросал плёсы лепестками осенних мальв и радуется вместе с ним этой забаве, и непременно еще сподобится на добрые превращения, чтобы гость заезжий, случайный здесь рыбак, сполна ощутил и припомнил красоту казачьего раздолья.

Степь-матушка! Жадно оглядывал он знакомые с детства места в мягком понизовом свете: разлет Бирючьего лога, польнинные холмы, за ними — бархатисто-темные пашни, разделенные уже кострово сквозящими лесополосами. Сколько ты пережила! И греки, и половцы, и татарско-турецкие полчища пронеслись тут, властвовали веками. А сколько сражений приняли русские князья, отвоевывая каждую пядь! С Куликовской битвы владели тобой казаки, — до “окаянных дней”, до роковой гражданской. И в давнее лихолетье, и когда утюжили поля танки Клейста, сколько полегло в сражениях станичников, красноармейцев. Дед погиб. Отец всю жизнь трудился в поле. Воистину вокруг — сокровенная земля! А я... оторвался. Живу за тридевять земель. А сердцем всё равно — тут. И нету края родней, дороже!

И, точно увидев себя в этот миг со стороны, — высокого, поседевшего, но еще крепко стоящего на ногах, — бывший учитель не смог сдержать сентиментальной слезы. Не дано человеку управлять временем, оно движется только в одну сторону. Сказочными горошинами укатываются годы вдаль, оставаясь в памяти то желанными событиями и радостью, то утратами, — пока и воспоминания не угаснут, как закатные лучи...

Пора было готовиться к ночевке. Когда он спустился к воде, чтобы вытащить на закосок свою резиновую лодчонку, пропахшую прикормкой и лещовой слизью, невзначай заметил, как отделилась от тростниковой кулиги в конце пруда пара лебедей, столь кипенно-белых, что отблескивали оперением. И вновь замер Андрей Петрович в радостном изумлении, наблюдая, как величаво выплывали они на светловодье... Лебедь и лебедушка — две неразлучные души. И он в молодости любил, любил по-настоящему, да счастья так и не обрел...

Ушица удалась на славу: с наваром и дымком, сдобренная перцем и укропом! И пока чудо-блюдо настаивалось, Андрей Петрович поставил палатку и приладил к дверце “жигуленка” переноску, повернув ее колокольчик в сторону костра.

Невзирая на запрет доктора, в рюкзаке нашарил Андрей Петрович фляжку. Сам Господь, наверно, подарил этот день, такой значительный и богатый новостями. Не напоследок ли? Но мысль о конечности жизненного пути не обожгла сейчас. Недаром в донских песнях поется-сказывается, что казак на чужбине “погибает”, а в родимом краю “ложится в мать-землю сыру, навеки роднится со степью”! Что ж, и он, преподаватель истории, немало изведal и повидал, — “с ярмарки едет”, и стоит ли бесплодно роптать?

— За наш род казачий Баклановых. За вас, Маринушка и Наташа, и за всех дорогих людей! — подняв фляжку, произнес он таким взволнованным голосом, точно его в самом деле мог кто-то слышать...

Потом, вступнутый поднявшимся ветром, натянув свитер, он бродил возле старых деревьев, вдоль руин пионерского лагеря. Вспоминал Марину, её и голос, и ласковость... Именно на этом берегу, когда вдвоем приезжали за лазориками, всё и началось!

Шелест камышей заглушал сверчков. Гулевой ветер похлестывал положком палатки, а когда затихал, — разбираал слух горловой посвист куличков, хлопанье ныряющей ондатры. И это невзначай рассмешило: не русалка ли плещется?

Черная орда туч затмила высь, и лишь вдали, на самом краю неба, ярко горели на ветру три искры Ориона — спутника мечтателей и скитальцев. Мысли о минувшем вновь накатили волной. Здесь бегал он босоногим мальчишкой, рос, учился крестьянскому труду. В пору юности слагал стихи и да-

же причесывался “под Есенина”, чтобы нравиться девушкам. Как невероятно далеко всё это! Будто некий двойник, а не он пас хуторских коров, впроголодь перебивался в пединституте, учительствовал, храня просветительский запал и отстаивая справедливость. В памяти его, конечно, не удержались лица и фамилии сотен его учеников. Но многих он представлял зримо и знал, что есть среди них и доктора наук, и генерал, и политические деятели, и знаменитые врачи. Значит, не зря тратил силы в школьных классах.

Шум волн становился всё громче. Погода ломалась. Отдаленные помигивали сполохи. И с опаской подумал Андрей Петрович о дожде, — по раскисшему вековечному суглинку ему не выбраться отсюда на своей, советской “пятерке”...

10

Сквозь сон он услышал, как загрохотало над головой...

Удар грома расколол небо. Андрей Петрович открыл глаза и напряженно затаился, замечая через обветшалое полотно палатки перепляс молний, слыша приближающийся, точно закипающий, шум дождя. Минута, — и он обрушился со всей мощью. Капли оглушительно выщелкивали по крыше палатки, и вскоре в нескольких местах образовалась течь. Струйки падали на спальник. Вдруг дождь ослаб. Не мешкая, Андрей Петрович выбрался из спальника, надел глубокие галоши и с фонариком в руке вылез наружу.

В грудь толкнул знобкий ветер. И в кромешном мраке, озарив на миг степь, сполох упал в балку рыжим коршуном. Снова, предвестник дождя, заворчал громушко. Но Андрей Петрович успел добежать до машины. И тотчас по металлическому кузову, по стеклам с разгонистым рокотом захлестало. Он запустил двигатель и включил “печку”. Повезло, что рюкзак положил на заднее сиденье. И можно было для “сугреву” опять глотнуть коньяку...

Ливень ярился не менее получаса. Резвились молнии окрест. А когда стихло, в приоткрытое окно потянуло из степи польной прохладой. Еще долетали издалека зарницы, но купол неба широко очистился. Из-за тучи выскользнул бело-желтый оталыш ущербной луны. И сквозь промытые стекла проступили очертания берега, камышей. И над прудом показались слоистые полоски тумана.

Андрей Петрович, отбросив спинку сиденья, прилег, сломленный усталостью. Непогода порушила все планы. Придется торчать до вечера, пока подсохнет грунтовка. И естественно, — задержаться еще на день, чтобы побывать у нотариуса. Впрочем, Иван наверняка постарается как-то помочь.

Раздумья, цепляясь одно за другое, вновь привели к горькому выводу: жить осталось считанные годы. В беду, похоже, попал Василий Лукьянченко. И неведомо, кто следующий. И надо не тянуть, поскорей встретиться с Мариной... Он вспомнил о дневнике, вернувшем в давнее, и подивился тогдашней своей бесхитростности и оптимизму. Да и стихотворение было искренним: и он, и Марина “отдавали всё сполна любви”. Какими чувственными были оба, преодолев начальную стыдливость! Он испытывал то редкое блаженство, которое охватывает мужчину только с любимой и любящей женщиной. С Аллой этого не бывало...

Привычной, проторенной тропой следовал он за своей Аллой: дом, работа, дача. Она была неплохой хозяйкой и заботливой женой. Оказывается, этого недостаточно. Важней — родство душ. А этого между ними не было. Жилось надежно, но малорадостно. В поездки отправлялся он нечасто, да и то, когда сопровождал школьные группы. А жену из квартиры пушкой невозможно было выбить! Помимо двух державных столиц, посетил он некоторые кавказские города и отдыхал на Черноморском побережье. Ни разу не бывал в Крыму, на Урале, в Сибири, не говоря о загранице. Впрочем, такой образ жизни и был присущ советскому учителю. А Марина по натуре была непоседой! Еще студенткой любовалась Варшавой и Прагой, поднималась с альпинистами на Эльбрус, прошла маршрутом вдоль Байкала... И он смолodu мечтал об этом!..

Так лежал Андрей Петрович в полудреме довольно долго, то стараясь сосредоточиться, то теряя нить размышлений, пока не расслышал на берегу зовущий голос: “Где вы?” Вспокоенно поднялся. Выключил мотор. И, надев очки, заметил в дунном сумраке женскую фигуру. Незнакомка, в брюках и свитере, с ношей в руке, заглядывала в палатку. И Андрей Петрович, опустив стекло дверцы, строго окликнул:

— Кого ищите?

— Вас! — обрадовалась полуночица и, смело открыв заднюю дверцу, положила на сиденье плоский кейс и сумочку, затем вытерла кроссовки о траву и юркнула в машину. — Ужас, как замерзла! Промокла... Сигареты дайте...

— Не курю, — ответил Андрей Петрович и, включив свет в салоне, обернулся. Девушка оказалась совсем юной, с большими черными глазами, матовой кожей, овалом лица напоминала, пожалуй, испанку или арабку. Сходство это дополняли длинные волнистые волосы.

— За мной на “ниссане” гнались уроды! — выпалила она. — Загнали, гуманоиды хреновы, на мост. Вчера утром проскочила, а сейчас лоханулась. Джип не вписался. Переднее колесо зависло, а заднее провалилось. Придумайте что-нибудь. Заплачу, сколько скажете!

— Чем помочь? Руками?

— Да, двумя руками и головой. Вы — пожилой и опытный. И должны найти выход.

Андрей Петрович раздраженно вскинул голову и, потянув за рычажок, поднял спинку сиденья. Оглянулся.

— Ничего я не должен. Могу предложить коньяку, если озябли.

— Вау! Давайте. Меня Женей зовут. А вас?

— Андреем Петровичем. Думаю, знакомство наше не затянется.

Отхлебнув, девушка поежилась и вернула фляжку.

— Я погашу светильники. Аккумулятор старый...

— У меня разряд по каратэ. На всякий случай...

— Вы с кем-то меня путаете!

— Сухая одежда у вас есть?

Андрей Петрович достал из багажника старую куртку сына. Женя, попросив отвернуться, быстро переоделась.

— Знаете что, если у вас не хватает смекалки, то сходите в село за трактором, — требовательно сказала девица. — А назад приедете. Вам тоже надо выбирать. Вы — заинтересованное лицо.

— До хутора, голубушка, двенадцать километров. Не в мои годы такие прогулки!

Между тем салон наполнялся свежестью “парфюма”. Андрей Петрович глянул на светящиеся панельные часы.

— Ровно два ночи.

Как-то протяжно застонал, завибрировал телефон в сумочке. Женя ловко достала его, выветила номер и приложила к уху.

— Да, мам. Не комплексуй, я у дядечки-рыбака в машине. На берегу. Офис разбомбили? Охранник позвонил? Слава Богу, что ребята целы... Кто? Точно не знаю. Гамадрилы в масках и камуфляжах. Днем их милиция отпугнула. А мне пришлось задержаться допоздна. Проверяла кредиторскую задолженность. И тут они вломились! Схватила ноутбук и сумку. Ребята меня в окно буквально выкинули, а сами драться стали. Прикольно было, я без фар через поле. За мной две машины! Одна сразу отстала, а “ниссан” потерялся за лесополосой... Мам! Я же тебе уже объясняла, что джип застрял на мосту. Зачем охранник ищет? Может навести на след! До утра я пережду... О’кей! Я и так предпринимаю все меры безопасности. Днем буду в Ростове. Постой! У меня сотовый разряжается, пикает... Если что, давай по интернету...

Андрей Петрович качнул головой, усмехнулся.

— Не казачий край, а дикий Запад.

— Хуже! Там законы. А у нас — понятия.

— Голубушка, сколько вам лет? Откуда вам это известно? — с иронией спросил Андрей Петрович.

— Я была с мамой в Штатах.

— А как же она отпускает вас одну? Слышал, о чем говорили. Извините, но так настоящие матери не поступают.

— Не ваше дело! А насчет мамы, Петрович, пролетели мимо кассы. Я три года с ней мотаюсь, и никто лучше меня не знает нашего бизнеса!

— Не Петрович, а — Андрей Петрович!

— Айм сори! Но говорить о маме в таком тоне я не позволю. Конечно, у нас отношения не безоблачные. Она меня любит, но и не балует. Сторонница практического воспитания. Как в Америке. Там детей с пеленок приучают к самостоятельности.

— Так же было и у нас. Существовали школьные производственные бригады.

— Вы приезжий? В районе я вас не видела.

— Живу далеко, а в Бариловке родился. Больше тридцати лет преподавал историю.

— Между прочим, моя бабуля тоже была учительницей. Благодаря ей начальную школу я за два года прошла. В Академию экономики поступила в пятнадцать лет. Мать нагнула. А вообще-то мечтала стать журналисткой... У меня специализация по международному маркетингу. Хочу пройти стажировку в Англии.

— Приятно удивили! — смягчился Андрей Петрович. — Дерзать надо смолоду. Тутанхамон в девять лет стал фараоном и прославился на века. Или возьмите Людовика Четырнадцатого, Петра Великого... У сверстников ваших на уме — легкая жизнь, роскошь, развлечения!

— Вам бы черный квадрат рисовать! Каждый из них ищет свое место в жизни. Так же, как вы когда-то. Конечно, мы по уши в "паутине". Мир виртуальный предпочитаем реальному. Но — вполне адекватные люди. Мы живем гораздо интенсивней! Я, например, знаю о жизни почти всё! У меня свой счет, объездила Европу. Были мужчины. Есть любимый парень. Я предпочитаю самостоятельность! Жизнь — борьба. И это — нормально. Хотя рисковать приходится...

— Чем вы занимаетесь?

— Помогаем российскому селу выбираться из нищеты.

— И каким же образом, позвольте узнать?

— Оформляем кредиты на выгодных для селян условиях. Покупаем земельные наделы, недвижимость. Субсидируем строительство промышленных объектов...

— Это вас приглашали на собрание пайщиков, а вы не явились?

— Достали! Особенно их атаман.

— Аржанов — мой брат. Он думает о казаках, а вы о наживе.

— О бизнесе! Это — разные вещи.

— Сущность — одна. Грабите народ!

Женя хмыкнула.

— На свои деньги я отремонтировала в Бариловке школу. И буду вместе с мамой оказывать помощь в реконструкции храма в райцентре. А народ, как известно, состоит из людей. Из всяких разных. Аржанов в позапрошлом году с казачьим обществом брал в аренду пай под бахчу. А бюджетных денег на семенной фонд не выбил. Год земля пустовала. Согласно договору, он должен был заплатить арендодателям. И обратился к нам. Мы выдали под залог полтора миллиона. Он рассчитался и вновь оформил аренду. Неурожай! Прошлым летом выпал кислотный дождь. Район был в зоне атлантического циклона. Мы простили Аржанову. Не стали взыскивать штраф. И еще раз в этом году выдали кредит. Я внятно объяснила?

— Не совсем. Была земля хуторян, а становится лично вашей. Ловко! Скажите, вам, молоденькой, не скучно этим заниматься? Вы разбираетесь в землепользовании?

— Без вариантов!

Андрей Петрович промолчал. По крыше вновь зашелестел дождь.

Женя достала из чехла ноутбук. Голубовато-белым светом мягко озарился салон. В подернутое испариной зеркало Андрей Петрович подсматривал, как девушка строчит пальцами по клавишам, набирая текст. Затем прикрыл глаза, раздумывая, что он, домосед и дачник, далек от современного, “продвинутого”. Телевизор несет процеженную информацию. А молодые, варясь в гуще жизни, могут верней оценить происходящее. К случайной гостье, фитюлке этой, он испытывал интерес, некую отеческую теплоту. Нравилась она и внешне, именно такой тип женщин, к которому принадлежала и его Марина, — стройные, темпераментные, с выразительным лицом, — был для него привлекательным.

— Ну, вот. Угомонила мамулю. Сама собиралась сюда ехать, — с протяжным зевком поведала Женя и потянулась. — Она у меня не бизнес-леди, а звезда киноэкрана! Погибель для мужиков. Хотите, покажу? — не без хвастовства предложила Женя и развернула ноутбук. — Мадам Шацкая! Россия!

Андрей Петрович окаменел. С экрана в упор смотрела... его дочь.

— А теперь я покажу тех, кого знаете, — с той же самодовольной улыбкой бросила Женя и, чуть придвинув ноутбук, стала щелкать клавишей, меняя фотографии. — Узнаете? Это я на московской тусовке. Киноактер Дюженов. А это — певица Зара. Конкретная девушка! А вот стоит Сереженька Лазарев...

Лицо Андрея Петровича выражало такую глубокую растерянность, столь изменилось, что Женя с недоумением спросила:

— Что с вами? В астрале зависли? “Звезды” — люди обычные.

— Маму зовут... Наталья?

— Вы знакомы?

Андрей Петрович ощутил, как стиснуло сердце. Он отвернулся и, помолчав, ответил не вполне уверенно:

— Я... я знал вашу бабушку. Работал с ней... Просто догадался!

— Как догадались?

— Похожа.

— Неправда, мама с бабушкой — разные. Наверно, вы помните ее, какой была в детстве?

— Возможно... А кто же ваш отец?

— Давайте не будем о прайвеси¹, как принято в Америке... Я согрелась. Придется самой тащиться на хутор!

Андрей Петрович порывисто открыл дверцу, подставил лицо влажному послегрозовому ветерку. “Господи, это же моя внучка! Как же вести себя с ней? — горячечно путались мысли. — Такая взрослая... Невыразимое ощущение. Как же я раньше не думал об этом... Оказывается — дед. И давно...”

— Дождь кончился. Можно глянуть на мою машину, — энергично предложила Женя. — И прикидик мой подсох...

— Конечно! Пойдемте. Неужели мост цел? — оживился Андрей Петрович, чтобы скрыть свою взволнованность. — Его при Александре-освободителе соорудил станичный купец... Вы одевайтесь, а я подожду!

Едва он вышел на берег, не в силах оправиться от этого невероятного знакомства с внучкой, как над бугром встало зарево. Вскоре, одолев вершину, неведомый автомобиль скользнул фарами по прибрежному краю. Вероятно, “гуманоиды” направлялись сюда.

— Не вас ли ищут? Какая-то иномарка! — с тревогой воскликнул Андрей Петрович, отмахивая дверцу. Женя, путаясь в длинных рукавах куртки, уже обувалась. Вмиг выскользнула из машины, захватив ноутбук и сумочку.

— Фу, блин. Ноготь сломала...

— За камышом лодка. Спрячьтесь под ней! Я помогу, — Андрей Петрович кинулся вниз, светя фонариком. Женя, раздражая своей неторопливос-

¹ Прайвеси (англ.) — личная неприкосновенная жизнь.

тью, спустилась следом. И хотя убедилась, что трава под скатом, прикрытая лодкой, не промокла, опять засомневалась:

— Может, это не рейдеры? Мне это надо — в грязи валяться?

— Да вы что? В своем уме? — задохнулся от возмущения Андрей Петрович. — Гадать некогда!

Своевольница нехотя легла набок, пристроила рядом свои вещички и зашла под опрокинутой вверх дном лодкой.

Андрей Петрович, вспомнив, что в машине пахнет женскими духами, замкнул все четыре двери и забрался в палатку. Распластался на мокром одеяле...

Нагрязнуло срыву: тягучий гул мотора, свет мощных фар, озаривший палатку, и громкий стук дверей. Беспокойно зашло сердце, с досадой подумал: “Принесла нелегкая!” Вдруг входная застежка треснула, — ослепив, в лицо ударил фонарный луч.

— Ты один? — спросил лохматый детина. — Выдерживайся!

Сквозь шум ветра пробивалась разгоряченная перемолвка. И, понимая, что от незваных гостей всего можно ждать, Андрей Петрович решительно выбрался из своего пристанища.

И сразу почувствовал опасность. Здоровенный темный “ниссан” бампером уткнулся в веревочную растяжку палатки. “Могли и переехать”, — досадливо мелькнуло в голове. “Прожектора” били чуть в сторону, прошивая туманный мрак до противоположного берега. Полуночников оказалось трое. Они стояли за полосой фар, с затененными лицами. Ветер трепал их расстегнутые спортивные куртки, треугольно заламывая края, — и оттого чудилось, что на берегу плоские призраки, вырезанные из тонкой ранищей жести, наполовину черной, наполовину — ржавой...

— Ты чо это, батя, зарулил на нашу поляну? — бритоголовый толстячок осведомился с проносом, свойственным молодежи, и кивнул в сторону “жигуленка”, на котором высвечивался номерной щиток с кодом региона. — Со Ставрополя, в натуре?

— Не обижайтесь, что подняли... Служба! — перебил его усатый длиннорукий кавказец, прикуривая сигарету от бойкого огонька зажигалки. — С вечера ловите? А джип серебристый не проезжал мимо?

— Нет, не видел.

— Есть проблема. Мы одну гёрлу ищем. По этой... ориентировке. У нее новый “хайлэндер”. За отказ помогать милиции — статья до трех лет...

Тот, что заглядывал в палатку, сорвался с места, — и в наклоне фигуры, в движении рук угадывалось агрессивно затаенное. Он обследовал, света фонариком, край плеса, салон машины, скрылся за прибрежными вербами. А напарник, дождавшись его возвращения, поднялся на курган и обшарил дальнобойным лучом скаты лога и прибрежную дорогу. Назад пожаловал также озабоченный.

— Свежего следа нет. Сучка в Росто-ов соскочила, — сквозь зевок промямлил он и присел на корточки подле кострища. — Хозяин, угостишь ухой? Реально полкотгла!

— Пожалуйста. Только ложка одна.

Толстячок сунул фонарик в карман куртки, захватил казан ладонями и, опрокинув, принялся пить через край. А патлатый с раздражением обратился к старшему среди них:

— Хыйса, я тут оттягивался с френдой. Дороги дальше нет! Прикинь, дед горбатого лепит!

— А ему какой поит? Он не местный. И следа не видно... Обрываемся, короче, на фазенду. А после перекроем кислород на выезде! — ожесточился кавказец, щелчком отбрасывая сигарету.

Рейдеры, захлопнув дверцы, укрылись во внедорожнике. Напротив фар золотилась туманная дымка. Когда же “японец” развернулся и помчал по косягу, глазщи задних фонарей долго краснели в темноте, сея безотчетный страх...

Они шли к старому мосту вдоль берега, скользя на глинистой тропе. Слева, в ясном небе, горела луна, особо таинственная и волнующая на исходе ночи. Заметно потеплело. И в низинах, куда сбегала дождевая вода, белели чубчики тумана. Женя, думая о чем-то своем, точно не замечала спутника. А тот, отягощенный ношей, — домкратом еще советского производства, — время от времени останавливался. И девушке поневоле приходилось делать передышку. Странное ощущение незримого присутствия кого-то не оставляло Андрея Петровича. Он был взволнован до крайности и никак не мог отделаться от радостного смятения и тревоги за Женю. Ситуация, на самом деле, была сложная. И в сознании не гасла мысль, что в этот час всю ответственность за внучку он несет прежде всего перед Мариной. И казалось — это она здесь, рядом...

— А вы хорошо здесь ориентируетесь, — сказала Женя.

— На берегу стоял пионерский лагерь. С Мариной... Сергеевной здесь мы работали.

— У вас что-то было? Была лав стори?

Андрей Петрович отмолчался.

— Бабуля мне классная досталась! Хотя слишком доверчивая, старомодная... И дед Сережа был замечательный. Такой юморист! Он меня на песку брал.

— У меня тоже славный был дед — Георгиевский кавалер, — зачем-то сказал Андрей Петрович. — Расскажите про своих родителей.

— Мама начинала с нуля... После института, родив меня, сорвалась в Сибирь. И пока отец срок отбывал, в больнице горшки выносила. Чем не декабристка? А потом, когда папы не стало, вернулась в Ростов, связалась с его друзьями. Он был чемпионом по боксу, с "авторитетом" схлестнулся... Ну, это неважно... Мама — женщина невероятной энергии! Она может всё, что захочет. Отступать она не привыкла. Сколько раз угрожали "крутые" и подставляли партнеры! Очень боюсь за нее...

Излучина пруда, поросшая осокой, вывела к речонке. До моста, как помнил Андрей Петрович, оставалось метров двести. На сапоги налипали пласты грязи.

Вскоре силуэт светлого джипа обозначился напротив береговой каймы. Женя первой взошла на мост.

Андрей Петрович бросил домкрат на доски, скользнул фонарным лучом по заваленной набок машине. Мост был не длинный, но довольно высок и узок. На каменном острове помещались металлические лаги, а на них крепилась дощатая "подушка". По краям и между погнутыми досками сквозили дыры. Не для переезда служил он теперь, разумеется, а для перехода стада, судя по обилию коровьих лепешек.

Уже при беглом осмотре выяснилось, что осевший на раму джип застрял надежно: левое заднее колесо, проломив повершье, заклинилось меж старыми тесинами, а переднее — с правой стороны — поднялось и зависло в воздухе. Как успела сорвиголова выключить скорость и выбраться — непостижимо!

Очищая кроссовки о доску, Женя напористо обратилась:

— Ну, что скажете, сэр?

— Не понимаю, как вчера вы переехали.

— С разгончика!

Андрей Петрович обошел вокруг автомобиля, отмечая выверенность линий и ладность дизайна, интуитивно ощущаемую мощь. Никогда не приобрести русскому учителю-пенсионеру такого автомонстра! Не заработал, не вошел в число избранных... И от этой мысли восхищение "хайлэндером" померкло. В отчуждении подумал, что и прикасаться к этой дорогостоящей игрушке небезопасно! Однако мысль, что иномарка беспомощно замерла на ветхом казачьем мосту, как-то даже позабавила...

— Необходим подъемный кран. Впереди — край моста, и назад не сдать. Как говорят шахматисты, цугцванг... И какой же мощности мотор?

— По-моему, двести пятьдесят “лошадей”.

— Вот вам и чудо техники! А на нашей дороге увяз, как калоша!

Андрей Петрович несколько раз осмотрел, светя фонариком, конструкции моста, настил, съезд на береговой склон. Наконец, беспokoйно заключил:

— Под задним колесом лага. Найти бы прочную доску — можно попытаться поднять его. А потом вывернуть руль и увести машину. Впрочем, этот план нереален.

— В каком смысле?

— Настил хлипкий. Может не выдержать. И машина кувырнется с моста! А рисковать жизнью я вам не позволю!

— А если нагрянут бандюки? Это лучше? От этих безбашенных всего можно ждать! Посмотрите! Опять свет на дороге. Они не угомонятся... Давайте без мандража. Давайте пробовать! В багажнике набор инструментов. Будьте мужчиной!

— Не вам бы говорить мне это!

И Андрей Петрович без промедления стал действовать на свой страх и риск, являя решительность и даже неожиданное молодечество, — отбивать дубовую боковину с основания перил, укладывать ее между автомобильной рамой и домкратом, вымеривать расстояние, орудовать рычагом гидравлического устройства.

После всех стараний удалось-таки поставить машину на три колеса. Женя наблюдала и подсказывала, но сама и пальцем не шевельнула. Лишь позвонила матери, сообщив, что “дядечка пытается что-то сделать”.

Между тем ночь бледнела. Повеселевшая Женя села за руль и, включив панорамный свет, запустила двигатель. Под контролем Андрея Петровича выровняла передние колеса.

— Опасно, очень опасно, — не мог он унять волнения, кружа по мосту и шурясь от света фар. — Лучше дождаться дня.

— Кто не рискует, тот не пьет шампанское.

— В темноте мы могли чего-то не заметить. Я не специалист. Вот что. Я сам сяду за руль!

— Я никому не доверяю свою машину. Чао, бамбино, сори!

Тяжелый автомобиль тронулся с места. Убедившись, что заднее колесо беспрепятственно прокатилось по дощатой подложке и коснулось настила, Андрей Петрович облегченно выдохнул. Водительница прибавила газу, и джип выбросился на береговую твердь.

Андрей Петрович сел на край настила. Гулко журчала вода под мостом. По небу пробежали предутренние зарницы. Женя подошла, маяча огоньком сигареты.

— Ну, что? Давайте прощаться? Честно говоря, вы мне очень понравились. К тому же знали бабушку. Сколько вам... отстегнуть? — пошутила девушка. — Могу в долларах...

— Что вы! — в растерянности вскрикнул Андрей Петрович. — Мы ведь подружились, а вы деньги... Главное, вы в безопасности.

— Спасибо, что выручили. Как говорила бабуля, хорошие люди не переводятся... Знаете что? Поедьте со мной! У нас на старой колхозной бригаде конферма. Есть где переночевать. А табунщик привезет вас сюда на тележке.

— Тронут... Спасибо! Но есть обстоятельства... Да и как бросать машину?

Через минуту они расстались. Андрей Петрович невольно шагнул следом, остро ощущая миг разрыва, хотел окликнуть и остановить убегающую к машине родную душу. Но снова сдержал себя. Детство у Жени прошло с другим человеком, с другим дедушкой. Наверстать упущенное невозможно. Потом, если сложится, внучка сама рассудит...

И вновь он остался один в осенней степи!

И нужно было возвращаться к пристанищу. Андрей Петрович подобрал домкрат, очистил галоши о край доски и пустился в обратную дорогу.

Однако, подходя к палатке, оторопел. Женский силуэт приближался со стороны хутора, и трепет все сильнее охватывал душу. Она была необычайно величественна, эта неведомая странница, и почему-то двигалась, как луч,

вскользь. Андрей Петрович догадался, что это не призрак, а Степовица, о которой слышал от стариков в детстве, хранительница отчей земли и народа казачьего. Святая с иконой Донской Божьей матери в руках появлялась накануне грозных событий, неминуемых бед и наставляла на дела героические во спасение родины. В эту выдумку он не верил, а сейчас заворуженно стоял на месте, боясь пошевелиться... Откуда-то из поднебесья звучал высокий молитвенный глас: “Заступнице верных Преплагая и Скорая, Пречистая Богородице Дево! Молим Тя перед святым и чудотворным образом Твоим, да яко же древле от него заступление Твое граду Москве даровала еси, тако и ныне нас от всяких бед и напастей милостиво избави и спаси души наша, яко Милосердая!”

Светлый смутный столб истаял в предзоровой дымке. Но едва мелькнула догадка, что святая недаром объявилась в донской степи, — изболелись казачьи души в печали и недоле, — как Степовица вновь показалась на гребне бугра. Теперь стало различимо ее светлое одеяние, широкие рукава наподобие крыльев. При движении она взмахивала ими, — и черные косоглазые призраки, напоминающие то ли зайцев, то ли пауков, то ли бесов, в ужасе шарахались от нее, а многие исчезали напрочь. Андрей Петрович, не веря глазам, наблюдал, что же будет дальше? Из-за прибрежных деревьев выскочил “ниссан”, тот самый, уже бывший здесь. Степовица гневно оглянулась и сильней, чем прежде, взмахнула рукой...

13

Безотчетная тревога заставила Андрея Петровича проснуться. Стояло утро, и где-то неподалеку перекликались криквы. В палатке, впрочем, было еще меркло. И, не оступ от сна, он прислушался, не едет ли, в самом деле, рейдерский внедорожник? Но кроме утиноного переполоха и шелеста камыша слух ничего не уловил. Вот ведь чудеса: так устал ото всего за ночь, что не помнил, как пришел, как утрелся в палатке... И опять вспыхнуло в сознании: у него есть внучка! Красавица внучка, с которой свел Бог несколько часов назад... Может, по какому-то высшему закону добрые дела, творимые человеком, постепенно накапливаются, и в определенный момент за это воздается?

Не чаял он такого поворота в судьбе. Приятно было просто знать, что у него есть дочь и внучка, думать о них, родных по крови и незнакомых по жизни. Сегодня Василий обещал узнать номер телефона Натальи. Всё зависело от разговора с ней...

Он лежал, пока внимание не привлек голос неведомого певца. Дрожащий тенор заливался так самозабвенно, что слух отмечал каждое слово, как будто по-новому открытое этим златоустом.

*...За що полюбыла
Чорнявого Иванко?
Иванко ты, Иванко,
Сорочка вишиванка.
Высокий та стрункий...*

Андрей Петрович выбрался на берег. И ахнул от светлыни и размаха безветренного сентябрьского дня! Он лучился со всех сторон в блеске дождевых капель на камышах и траве, на стеклах и кузове “жигуленка”, на деревьях. Какими-то выпуклыми и веселыми казались белобокие облака среди небесной сини, отраженной в пруду, а само небо — добрым, необычайно высоким, сулящим покой. Тонкой медвянью пахли отцветающие бурьяны. Улавливалась в разреженном воздухе горчавинка полыни. И разлет лога с ближними полями, и берег, и большая светозарная вода, и горизонт — вся эта величественная панорама степи до слез волновала и радовала.

И вновь думалось о дочери. Напоминает ли характером мать, что взяла от него? Неиспытанное ранее чувство — отцовское тщеславие — побуждало

домысливать, представлять Наташу уважаемой, занимающей высокое положение. Рядом с ней была и Женья, которая казалась ему всё лучше...

Он вновь заметил лебедей в конце пруда, их изломанное легкой зыбью отражение, и долго в задумчивости смотрел на эту неразлучную пару. Осень, пора прозрения и грусти... Эх, Марина, Марина...

По раскисшему двойнику, со стороны злополучного моста, подъехала подвода о двух лошадях. Впереди горбился сухощавый цыган в мешковатом пиджаке, надетом на голое тело, и в приплюснутом картузе. Он-то и оглашал песней окрестность! Лошадки были отменно справными и, судя по порывистому шагу, не стары. Несмотря на грязь, шарабан, сбитый умелой рукой, едва успевал вращать колесами. Завидев рыбака, цыган натянул вожжи.

Андрей Петрович пошел ему навстречу, махая рукой.

— Уважаемый! Возьмите машину на прицеп! До грейдера.

— А зачем сюда ехал? — насмешливо возразил возница. — Илюшка, помоги. А я один... Но, кудлатая! — И стегнул по крупу рыжей кобылы махорчатым кнутом. Она дернулась, круто выгибая голову. Вторая лошадь, вороная, поневоле подалась за ней. Телуга с разгона развернулась и остановилась впереди “жигуленка”.

Илюшка спрыгнул на траву и примотал вожжи за ступицу колеса. Наблюдавший за ним Андрей Петрович от столь редкостного везения заулыбался.

— Я палатку соберу. И снасти еще...

— А сколько дашь? — разминая сигарету, буркнул цыган и прищурился. — Водки нема?

— Коньяк.

— Давай. Вместо денег. А после разберемся!

По весу определив, что спиртного кот наплакал, Илюшка стал прикладываться к фляжке короткими поцелуями. Вертя головой вслед рыбаку, мечущемуся туда-сюда, причмокивал языком и рассуждал:

— Кризис... Это у миллионеров и президентов кризис! А у нас с тобой какой кризис? Что с mine взять? Вот лошади, есть еще корова, телка, баба и трое короедов. Хаты своей нема. Не сгорит! На конеферме живем. Ты тоже — простой, на дешевой машине. Я коней пасу, охраняю. Ты на пенсии, дядя, рыбу ловишь. Что нам терять? А за подмогу у mine цена не меняется — магар щедрый. Ты чем ловил? — сыгнал Илюшка, наклоняясь к стекающему на траве садку, полному подлещиков и крупных карасей.

— Удочками.

— Ой, брешешь! От аккумулятора электричеством бил?

Разъяснения и рыбацкие хитрости Андрея Петровича, между разговором укладывающего в багажник пожитки, слушал цыган, пьяненько посмеиваясь. Вдруг оживился, до конца выщедил коньячок и отдал фляжку.

— А лучше — электричеством... На трех машинах из станицы начальники приезжали, глушили током. Я на другой день полмешка насобирал. Дурная рыба становится, еле плавает. Здесь её богато! А сеткой не схватить. Коряги. Омута страшные... А какой у нас с тобой кризис? Выпил малость, песню завел — и жить можно. Моя бабка учила, — она всех лучше в Мариуполе гадала, — птичка по зернышку клюет и сыта, а свинья жрет ненасытно и не остановится, пока не заколот. Всего золота не захватишь. Дают — бери, а бьют — беги. Главное, чтоб душа не горевала... А кем же ты, дядя, хозяйкиной дочке доводишься? Разбудили ни свет ни заря, заставили по грязюке ехать.

— Какой дочке? Не понимаю.

— Той самой. Женьке.

Андрей Петрович снова улыбнулся от прихлынувшей теплоты, от мысли, что позаботилась... внучка, которая уже относится к нему как к знакомому человеку. И от этой охватившей радости воскликнул излишне громко:

— Близкий родственник! Ну, давайте трос крепить?

Илюшка собственноручно зацепил его за железный рог, привинченный болтами к задку подводы. Андрей Петрович завел мотор. Лошади, атласно блеснув боками, дернули и потащили, взбодренные возницей. “Жигуленок”

юзом заскользил по влажной траве. Везти машину по раскисшей дороге и обочине оказалось далеко не просто. Её мотало из стороны в сторону, слой грязи на колесах приходилось время от времени счищать лопаткой. К тому же цыган жалел лошадей, давал им отдыхать. Наконец, добрались до “профиля”, как называли старую дорогу.

Илюшка слез с подводы, пробубнил с хмельным раздражением:

— Раз ты родственник, то скажу, не в передачу... Евгения — обходительная девка. А вот мать ее, Андреевна, хоть и умная, а лютая. Каждую копейку считает. До мужиков охочая, по красоте. Со своим охранником молодым спуталась. А дочку держит в районе навроде надсмотрщицы. А тут с Кавказа люди власть берут. Всех себе подчиняют. На конферму днями приезжали. А девчонка — натурная, не покорилась. Забери ты Евгению от греха!

— А где сейчас она? — встревожился Андрей Петрович, предчувствуя что-то неладное.

— Небось по делам — в станицу либо в Ростов. А машину гоняет — на пропасть! Не девка, а буря. Да! Передала вот, — запоздало вспомнил табунщик, запуская руку в карман задубелых от грязи джинсов. — Как ее... визитку.

Цыган уехал не прощаясь. И вскоре донеслась его бесшабашная протяжная песня, сливающаяся с солнечным простором, с тишиной и отдаленными голосами птиц.

14

Андрей Петрович неторопливо вел машину, переговариваясь с братом. Тот, по случаю выезда в райцентр, снова принарядился в казачью форму и держался с напускной солидностью. То и дело оглаживал свои скрученные на кончиках черные усы.

— Владения Шацкой! — указал Иван на пашни, потянувшиеся вдоль дороги. — А какой был колхоз! На всю область гремел. Сперва налоговики обложили. Потом банкротили все, кому не лень. Мне их атаман жалился... Назначили управляющего. Он пригнал на уборку комбайны, знаешь, откуда? Из Турции! До слез горько... Федор поднял казаков. А ему из прокуратуры позвонили. Назвали закон и статью, по какой за экстремизм в кутузку.

— А ты знаешь, кто такая Шацкая? — с затаенным волнением спросил Андрей Петрович.

— В каком смысле? — вскинул Иван разлтые брови. — Чистая буржуйка! Хоть и помогает...

— Она — моя дочь, — с расстановкой сказал Андрей Петрович. — И Марины, первой моей жены.

— Да ну? Ни хрена-а себе... — изумленно протянул брат, вскидываясь на сидении. — А чего ж ты молчал? Значит, родня!

— Мы двадцать два года не встречались. А вчера вот узнал о ней... Позвонить я Наталье, конечно, позвоню. Но напрашиваться, как бедный родственник, не стану... А этой ночью, веришь, помогал перехать старый мост Жене. Родной внучке! И тоже промолчал. Совестно объявляться дедом. У нее уже был...

— Евгению Павловну я знаю. От агрохолдинга у нас. Девчонка деловая, но такая своево-ольная! Вся в мамку. Значит, внучка твоя?

— Ум, Ваня, не порок. Ломать проще. Создавать свое — сложней.

— Я тебе больше скажу! — ожесточился Иван. — Твоя Наталья радует за край. Но она — малая пешка. Деньги на развитие сельхозпроизводства выделяет государство, а где они? Попробуй, как фермер, возьми кредит! Там такие проценты, что без штанов останешься. Я-то знаю! Вот и прокручиваются несметные средства через банки, а оседают они опять же в московских карманах. Факт! Прожить даже без нефти и газа можно. А без хлебушка, без земли-кормилицы ноги протянешь. Потому так бьются за угоды!

Звонок Лукьянченко застал у станичной окраины. Он, извинившись, сообщил, что приболел, к тому же полон дом гостей. Но с начальником ГАИ

связался и дал ход оформлению документов. “Мероприятие недели на две откладывается, пока не вернусь из онкоинститута, — предупредил приятель. — Телефон Наташки твоей пока не раздобыл. Я на днях его узнаю и обязательно позвоню. Не теряйся, будь на связи!”

У нотариуса пробыли недолго, сдали паспорта, нужные бумаги, прихваченные Иваном, и юная секретарша, одновременно болтая по телефону и печатая на компьютерной клавиатуре, составила и отнесла документ начальнице. Та дала его по очереди прочесть и потребовала подписи. И содрала девятьсот рублей. Стал Иван полноправным владельцем теткиного имения! И, принимая поздравление, прочувствованно сказал:

— Ты, Андрюша, по совести живешь. Ни у кого не крал, никому не заживовал. Детей учил!

— Не безгрешен, — с грустной усмешкой возразил Андрей Петрович.

— Повинную голову меч не сечет...

Они ехали на автовокзал, откуда Иван должен был на маршрутке вернуться домой. Перед перекрестком, в центре станицы, улицу перегородили две милицейские машины с проблесковыми маячками. В глазах зарябило. Андрей Петрович увидел впереди серебристый джип, впечатанный бампером в оградительную решетку. Дверца со стороны водителя была распахнута, лобовое стекло в нескольких местах — продырявлено. Толпа ротозеев что-то оживленно обсуждала. Почему-то у всех лица и одежда были фиолетовыми. Трое гаишников, тоже странных внешне — с длинными носами и в огромных форменных фуражках, блокировав движение, шевелили синими губами, переговариваясь по рации. Андрей Петрович ощутил, как похолодело в груди...

— Никак покушение? — предположил Иван, приглядываясь. — Кровь на сиденье. Ё-кэ-лэ-мэ-нэ... По-моему, дочка Щацкой джип... Номер — три тройки.

Это Андрей Петрович понял раньше брата. И, объятый душевной болью, он выскочил из машины.

— Назад! — бухнул криворотый лейтенантик, взмахнув жезлом. — Нельзя!

— Что с ней? Жива? Я дед ее! — потерянно выкрикивал Андрей Петрович, обращаясь то к одному, то к другому милиционеру.

Брюхатый гаишник, с выпученными глазами и двойным подбородком, раздраженно выкрикнул:

— В реанимации она! А вас по-опр-рошу отсюда!

Мир земной рушился. И вернуться в прошлое, не помеченное горем, уже нельзя было. Какой-то пропойца, с отеками под глазами, рассказывал, как на его глазах обе машины остановились у светофора, а из “ниссана” выбежал в маске лохматый парень и расстрелял из пистолета девочку в джипе.

— Он её в упор замочил! Кровищи — фонтан...

— Мамаша доллары гребет! Не поделилась, должно, — со злорадством протараторила тетеха в красной шапочке, с испитым лицом. — Врач со “скорой” дыхание ей делал... Значит, пока не дошла...

Андрей Петрович мчался в больницу.

В суматошной горячке, обретя не присущую ему смелость, бывший учитель громко пререкался с медсестрой, требуя пропустить к заведующему отделению; затем — с врачом реаниматором, у которого удалось выведать, что у Жени задето легкое.

— Это чудо, что она не скончалась на месте, — признался угрюмый очкарик в белом халате. — Всё теперь зависит от операции!

Андрей Петрович отвез брата на автовокзал. На обратной дороге подрулил к милиции. Дежурный по райотделу, чернявый подтянутый капитан, объяснил, как составить заявление. Тут же, в вестибюле, Андрей Петрович написал о рейдерах, обо всём, что могло помочь следствию.

...Он ждал, отрешенно воспринимая всё, что окружало в больничном дворе. Внимание привлек лишь приезд “лексуса”, из которого высадились два атлета в костюмах и женщина в светлом. Им навстречу спустился по ступеням лысоватый человек в белом халате. “Главный врач!” — заметил кто-то из сидевших на скамье у цветника...

На отшибе стоял корпус роддома. И Андрею Петровичу явственно вспомнилось, как забирал оттуда жену с Натуськой. Все помыслы были только о малышке. Он сразу, всем нутром полюбил этот тепленький комочек, завернутый в пеленки. Очень хотелось, чтобы выросла она похожей на мать. И первое время, когда было особенно трудно, всячески помогал Марине: укачивал дочурку, купал, катал на коляске. И первым словом, которое произнесла дочурка, почему-то было “папа”...

Теперь, сбивчиво размышляя о потерянном, Андрей Петрович сравнивал судьбы сына и дочери. Какими разными были их матери! Какими несходными оказались и дети! Наталья, унаследовав казачий нрав, ринулась в жизнь целенаправленно и смело. И, пройдя многие лишения, набив шишек, обрела и богатое положение, и признание. А Эдик бросил политехнический на третьем курсе, постоянно водился с друзьями, редко бывал дома. Отслужил армию. И пошел в бригаду отделочников подсобным. Теперь работал в Москве. Сошелся с какой-то женщиной, старше его намного, и был этим вполне доволен...

Мучительно ползли часы. Ни о чем не думалось, ничто не утешало. Наконец из здания стали выходить врачи. Андрей Петрович увидел Володю Журавского.

— Володя, кто оперировал? Ты? Как Женья? Я... ее родственник.

— Я не бог, Андрей Петрович... Тяжелая... Лучше вертолетом перебросить ее в ростовскую клинику. Больше возможностей...

— Может, лекарства нужны? Или кровь? Я — почетный донор.

— Какая группа?

— Третья. Резус — отрицательный.

Журавский, подумав, кивнул и повернул обратно. У входа в хирургическое отделение та самая неговорчивая медсестра выдала бахилы, и Андрей Петрович зашагал по коридору, вдыхая резкие запахи больницы. Возле перевязочной бывший ученик оставил его, а сам скрылся за стеклянной дверью. Поблизости, у торцовой стены с надписью “Реанимационное отделение”, на скамье громоздился в накиннутом белом халате широкоплечий, глядящий исподлобья “качок”. И Андрей Петрович отошел в сторону...

Когда медсестра отсоединила систему для переливания крови и, наложив на руку повязку, велела ему полежать, стукнула входная дверь. Раздался перестук каблуков. Андрей Петрович повернул голову и мгновенно узнал дочь. Она была в белоснежном батнике с расшитым воротом и светлой юбке. Резко контрастировали с одеждой загорелая кожа, черные очки и темные, коротко стриженные волосы. При ее появлении точно властный ветерок пролетел по всей перевязочной. Журавский, кутивший у открытого окна, оглянулся и замял в пепельнице окурок. Взволнованная мать, очевидно, хотела обратиться к доктору по другому вопросу, но, увидев емкость с только что набранной кровью, возмущенно отчитала:

— Доктор, вы говорили, что крови и заменителей достаточно. Почему же ведете старичье?

Хирург недоуменно усмехнулся:

— С чего вы решили, что забор крови для дочери? У донора редкая группа. Кровь всегда пригодится. И притом, он же ваш...

— Свои проблемы решайте в другое время. А мне этого не надо! — тяжело от гнева голос бизнес-леди. — Сколько вам нужно крови? Тонну? Две? Я достану!

— Ради бога, Наталья Андреевна.

Андрей Петрович услышал только громкие удаляющиеся шаги и громкий хлопок двери. Журавский в сердцах ругнулся и посетовал, что мамаша-миллионерша “поставила всю больницу на уши”. Дважды звонил областной министр и подробно интересовался ходом лечения...

15

Когда Андрей Петрович вышел из больницы, в степной дымке, за окраиной садов, вновь багровел шар солнца. Напряженная тишина держалась в глубине сквера, возле которого оставил машину. Тихонько рокотали под-

сохшей листвой клены. Чуть в стороне, вблизи школы — их с Мариной школы! — гомонила детвора. Он вспоминал лицо дочери, ее прокуренный низкий голос. По всему, человеком она была сложным, непредсказуемым. Теперь, оценив всё в реальности, Андрей Петрович ужаснулся прежним надеждам: разве могут они сблизиться? Точно бы светлая, окрыленная их любовь с Мариной воплотилась в нечто противоположное.

Сотовый в барсетке настойчиво кулюкал. После сдачи крови ему, заметно ослабевшему, ни с кем не хотелось говорить. Но, подумав, что звонит Лукьянченко, привычно нажал клавишу.

— Оформили? — простонала Алла и затагнула вдруг плачущим голосом: — Мне плохо... Думала, до утра не дотяну. Забирай документы и приезжай.

— Теткин дом я подарил брату, — уверенно и как будто даже весело сообщил Андрей Петрович.

— Ну, и шуточки у тебя. Что, с Ванькой выпили?

Андрей Петрович отключил телефон и убрал в барсетку. Звучно докатился мелодичный удар колокола. Гигантскими павлиньими перьями доцветали облака. Он вспомнил вчерашнюю наполненность души, лепестковую гладь пруда, ливень, Женю. Одна ночь и день перевернули жизнь!

Андрей Петрович встал и, еще не ведая куда, побрел по аллее.

Войсковую станичную церковь, уцелевшую от большевистского разора, окружали строительные леса. Он вошел в прохладный, пахнущий ладаном полумрак. Образа озарялись догорающими свечками. И лики святых, как всегда, волновали несказанной печалью. Служба кончилась некоторое время назад, но перед алтарем стояли прихожане, а в левом притворе, у иконы Николая Чудотворца — одиноко молящаяся. Андрей Петрович прикрыл глаза и мысленно обратился к Господу и Богородице за помощью спасти Женю! Почему-то подумал, что здесь они лучше услышат его и поймут. Однако в сокровенном безмолвии, прежде всего, он услышал, как стучит его сердце. Сбоисто, изношенно, покаянно. И понял то, что неведомо вне храма: воистину верующие приходят сюда, чтобы услышать свои сердца и очиститься от житейской скверны.

Быстрый шум шагов позади него заставил посторониться. Молодой чернобородый священник в темной рясе прошел мимо и передал несколько свечей одинокой прихожанке. Она, покрытая белой косынкой, стала зажигать их от огарка на жертвеннике, ставить в ячейки, осеняясь крестным знаменем. Батюшка стоял рядом, читая молитву.

Наконец, женщина в светлой одежде повернулась и в сопровождении настоятеля храма направилась к выходу. И Андрей Петрович ощутил на себе цепкий взгляд, его неприязненный блеск. В повязанной по-сельски косынке выглядела Наталья суровой. Но вдруг, меняясь в лице, она стала замедлять шаги и остановилась. В темных прослезившихся глазах была такая удивленность и теплота, что Андрей Петрович невольно шагнул навстречу...

— Я сразу не узнала, — дрогнувшим голосом проговорила Наташа. — Прости... Сама хотела тебя разыскать... И мама перед смертью просила, чтобы мы помирились...

И боль, и слезы, и смятение душили Андрея Петровича. Но он нашел в себе силы взять дочь за руку и убежденно сказать:

— Значит, это она и Женя свели нас...

Священник, перекрестив, проводил их к паперти и осторожно притворил дверь храма, озаренную последним закатным лучом.